

Симона
Вилар

Ведьма княгини

Ведьма

Симона Вилар

Ведьма княгини

«Автор»

2009

Вилар С.

Ведьма княгини / С. Вилар — «Автор», 2009 — (Ведьма)

«Дым и дождь... Мутная серая пелена, заполонившая все вокруг. Сквозь это сырое марево толпа людей – орущая и беснующаяся – казалась призрачной, колышущиеся руки и искаженные лица с открытыми ртами вызывали жуть. А ведь люди ликовали... Их приводила в восторг победа, единение и сила, радость от того, что они наконец смогли расправиться с тем, кто так долго подавлял племя древлян, навязывал свою волю и разорял данью. И вид связанного, униженного князя Игоря Киевского был для древлян слаще, нежели все красоты Ирия...»

© Вилар С., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Часть I	5
Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	46
Глава 5	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Симона Вилар

Ведьма княгини

Часть I

Пролог

Апрель 945 года

Дым и дождь... Мутная серая пелена, заполонившая все вокруг. Сквозь это сырое марево толпа людей – орущая и беснующаяся – казалась призрачной, колышущиеся руки и искаженные лица с открытыми ртами вызывали жуть. А ведь люди ликовали... Их приводила в восторг победа, единение и сила, радость от того, что они наконец смогли расправиться с тем, кто так долго подавлял племя древлян, навязывал свою волю и разорял данью. И вид связанного, униженного князя Игоря Киевского был для древлян слаще, нежели все красоты Ирия¹.

На плечи пленного князя прикрутили тяжелую корягу, заставили тащить. Он шел пошатываясь, опустив глаза, чтобы не видеть их. Но головы не склонил. Что ж, пусть он проиграл, но они никогда не увидят сломленного князя Руси. Даже если он связан и избит, даже если одежда висит клочьями, даже если ему немного осталось... Ибо он не сомневался, что уже немного.

Игоря толкали, и стражам приходилось оттеснять от него толпу. Его упорно заставляли идти, подпихивали древками копий, осыпали бранью, когда он споткнулся и стал заваливаться, но помочь подняться не пытались. И он поднимался сам, тяжело и устало. А тут еще из толпы кто-то запустил в него черпаком, угодил в голову, боль так и стрельнула над бровью, потекла кровь... Толпа же вновь взорвалась радостными возгласами.

– Поделом тебе, волк киевский! Повалился терзать овец, вот и настигла тебя кара! Проклятый! Да заберет тебя Чернобог!²

Худшего проклятия и пожелать нельзя. Чернобог – божество вечных мук, самый темный и злой из всех богов, с которым иные светлые боги не желают знаться, так как за ним только смерть, мрак и мука. Мир Чернобога – сумрачное царство глубоко под землей, где никогда не бывает света, куда не заглядывает свет ясного солнышка. И теперь древляне то и дело поминуют проклятого бога, радуясь, что плененный ими князь будет предан темному божеству, и надеются, что отныне, избавившись от Игоря Киевского, смогут наконец вырваться из-под руки Руси.

«Зря надеются», – подумал Игорь. И вспомнил свою жену – Ольгу. Не та у него княгиня, чтобы не помститься за мужа, чтобы спокойно снести гибель супруга и не воздать за злодеяние. Думать об этом было почти сладко. По крайней мере, эти помыслы позволяли ему терпеть унижения, идти выпрямившись и стойко сносить глумление.

А ведь как лихо он въезжал в эти леса, с каким презрением смотрел на древлян. Их лохматые накидки в его глазах выглядели грубыми, их угрюмые взгляды вызывали насмешку. Что ему до этих лесных диких людей, когда он и хазар отгонял, и печенегов разбил в сече, даже

¹ Ирий – рай у древних славян; край вечной весны, где обитают боги, куда улетают на зиму птицы и встречаются души предков.

² Чернобог – бог вечного мучения, который ожидает всех злодеев после смерти.

самого императора ромеев заставил склонить гордую выю и вынудил надменную Византию подписать выгодный для Руси договор³. А потом...

– Все из-за тебя, ведьма проклятая, – процедил сквозь зубы Игорь.

Он думал о древлянке, из-за которой поехал в эти леса. Ее вина. Обвинять в своем поражении древлянскую чародейку Игорю все же было легче, чем признаться, что его погубило собственное безрассудство.

И угораздило же его так влюбиться в эту девку, Малфриду! Она же предпочла ему другого, его собственного воеводу Свенельда, которого сам князь поднял из простых варягов и поставил служить посадником у древлян. И тогда Игорь, стремясь ослабить соперника, забравшего слишком много власти, решил уличить того в стоворе с древлянами, отправился в их леса, чтобы вызнать все о тамошних сделках Свенельда и потом иметь право покарать счастливого соперника, а заодно... вернуть свою чародейку!

Игорь сперва и впрямь отметил, что Свенельд не все положенное взял с древлян, смог порастрясти бояр древлянских, повыгresti недоимки из закровов сельских старост. А когда с добытым добром возвращался, когда его возы уже шли по большаку⁴ к Киеву, Игоря вдруг нагнал молодой волхв, некий Малкия, и сообщил, что чародейка Малфрида ожидает князя в дальнем лесу, что не бывала она в Киеве, что другая под ее именем сошлась со Свенельдом, а настоящая Малфрида хранит ему верность по-прежнему...

И князь поверил... Отправил с данью большую часть войска в Киев, а сам с кметями⁵ ближней дружины повернул назад, помчался, полетел к своей ненаглядной. Окрылен был, почти счастлив. И вот же попал в западню.

– Подними голову, волк киевский! – сквозь горькие думы различил Игорь чей-то громкий голос.

Князь медленно выпрямился, взглянул. И похолодел. Его возводили на высокий крутой холм, на котором сильные мужики с гоготом сгибали две высокие березы одну к другой, обвязав веревками вершины... Вот как его казнят... Страшная гибель. Давно на Руси никого не предавали такой страшной смерти. Когда убивает не человеческая рука, а природа, значит, карает сама Мать Сыра Земля. Это скорее жертвоприношение, чем просто казнь. И его, Игоря Русского, древляне сделают жертвой?

Он едва не упал, слыша довольный хохот вокруг. И заставил себя выпрямиться. Тряхнул головой, откидывая с разбитого лба седеющую прядь, обвел толпу взглядом соколиным. Перун с ним! Он князь и витязь, покровитель смелых Перун должен увидеть его мужество! Только такому бог-воин и может помочь.

Игорь шел к вершине сам, сцепив до хруста зубы, вскинув голову. Даже торжествующие древляне как будто притихли, пораженные его твердостью. Но Игорь не знал, что и это не последнее его испытание. Что жестокие древляне приготовили ему еще одну муку.

Поднимаясь на холм, он замечал где-то у его подножия отблески большого огня, слышал крики и стоны. Сквозь сырую морось, сквозь плывший клубами дым, в отблесках пламени снизу Игорь увидел древлянских волхвов. Один из них шагнул к нему – властный, высокий, с длинной белой бородой и расчесанными на прямой пробор волосами. Только глаза его казались черными, как провалы. Сам же он был в торжественном белом одеянии, с многочисленными амулетами на груди и на поясе, с высоким посохом в руках. Так же выглядели и другие волхвы. Только один оказался в черном – молодой волхв Малкия, который и заманил хитростью князя в лес. Игорь взглянул на него – и молодой ведун вдруг отступил, будто смутившись.

³ Речь идет о подписанном князем Игорем с византийцами (ромеями) договоре в 945 году.

⁴ Большак – проторенная наезженная дорога, по которой могут ездить телеги.

⁵ Кмети – профессиональные воины в дружине, лучшие дружинники.

Но тут вперед вышел главный, темноглазый служитель. Торжественно указал концом посоха на что-то под холмом, на котором они стояли.

– Взгляни, князь-волк. Теперь ты все уразумеешь.

Там, под обрывом, у каменистых выступов тихой реки, древляне устроили огромное капище. Капище... Обычно древляне никогда не пускали туда чужаков, теперь же сами привели сюда пленного князя, свою жертву. И Игорь видел...

Капище было выполнено в форме распростертого тела огромной женщины. Снизу этого и не разглядишь, но отсюда, с возвышенности над обрывом, можно было увидеть очертания исполинской фигуры, выложенной из глины и камней: ее широкие бедра и бока, ее голову, откинутую назад, словно под тяжестью из завала камней-волос. А внутри великанши, будто собранные в загон овцы, толпились его люди. Крышей этому загону служили сплетенные из ивняка грудь, выпуклый, как у беременной, живот и ноги женщины, согнутые в коленях. Так на Руси изображали только Морену, жестокую хозяйку холода и смерти, владычицу зимы и темных глубин мироздания. Но обычно ее изваяние плели из соломы только на Масленицу на исходе зимы: беременное грубое тело, которое полагалось спалить на костре, ибо так с приходом весны смертные выказывали свое пренебрежение к хозяйке мрака и холодов.

Здесь же, у древлян, изображение Морены было огромным... гигантским, внушающим почтение. И ее утроба была полна жертв, людей, пленников, которых поджаривали в ней, как в печи. Ибо огромная Морена уже была полна раскаленных углей, плетенные из ивняка части фигуры занимались огнем. А люди в ее чреве-загоне, те, кого предназначили Морене в жертву, метались и кричали, сгорая заживо в этой огромной печи. Сюда, на вершину холма, долетали их исполненные муки и ужаса крики. А ведь были там не абы кто, а лучшие кмети Игоря, самые ловкие и опытные из его отряда, которых он имел глупость оставить с собой, в качестве защиты... и увлек на страшную и мучительную погибель.

Глаза Игоря стали застилать слезы. Да чтобы его витязи, его побратимы военные и так погибали!..

Но они не были сейчас витязями, они были полоумны от жара и мук жертвами, суровые варяги сейчас вопили от боли, забыв об обычном для них презрении к смерти. Игорь различил сквозь огонь пытавшегося лезть по горящим прутьям своего воеводу Ивора. Ведь кремь был человек, пренебрегал опасностями, и самые жесткие раны не заставляли его выказывать страдания, а сейчас бесстрашный Ивор карабкался наверх, его волосы воспламенились, и князь слышал его исполненный муки животный рык... пока Ивор не рухнул с горящего «живота» беременной Морены вниз, на угли, в толпу сгоравших заживо витязей-жертв... Жертв для Морены.

Князь откровенно плакал.

Белобородый жрец шагнул вперед.

– Что, любо тебе се, князь? Нам вот любо.

Он торжествовал. Громко и злорадно расхохотался. Одетый в темное волхв Малкия даже прикрикнул на него неожиданно:

– Довольно, Маланич. Пора уже. Кончаем.

Они как будто стали препираться, но Игорь их не слышал. Ибо заметил еще нечто: там, за пылающим изголовьем гигантской распростертой Морены, стоял идол еще какого-то божества. На капищах обычно устанавливают много идолов: Перуна Громовержца, подателя благ и богатств Велеса, светоносного Дажьбога. Здесь же было только одно изваяние. Темное, без раскраски и опознавательных знаков, с железной пластиной вместо лица, жуткое в своей безликости, лишь будто расколотое сверху, где два выступа напоминали рога. А еще Морена была расположена перед ним так, словно отдавалась ему вместе с жертвами.

Князь похолодел. Он понял, кто это. Тот, имя которого все время выкрикивали древляне, пока пленного князя гнали на казнь... жертвенную казнь.

– Вы стали поклоняться темным силам? – оторопело воскликнул Игорь. – Вы обратились за помощью к самому Чернобогу и Морене-погубительнице? О нет... – И закричал: – Не делайте этого! Не губите целое племя ради одной победы. Подумайте о будущем ваших детей и внуков. Не отдавайте их мраку, изменив светлым богам!

Тут Игоря кто-то толкнул, он упал на колени, рвался, когда с него снимали тяжелую корягу, и все твердил: не предавайтесь извечному злу, не губите весь свой народ.

– Вам ваш князь Мал не позволит! – рвался Игорь, желая лишь одного – объяснить им, спасти. – Вас светлые боги проклянут, вы изведете все древлянское племя под корень, если отдадитесь злу. Все вымрете. Да что же вы делаете, безумцы!.. Вспомните небо, не уводите целый народ под землю во мрак.

Игорь сейчас вдруг забыл о своих войнах с непокорными древлянами, забыл, что презирал их и считал подвластным племенем. Он внезапно и впрямь ощутил себя их князем, отцом племени, которое добровольно губило себя, выбрав своим покровителем зло.

Его толкнули, он упал. Руки его по-прежнему были скручены ремнями, а вот ноги развязали и теперь с силой разводили в стороны. Одну уже привязывали веревками к изогнутому стволу березы, оттягивали другую. Игорь извивался, но не от страха и предчувствия страшной кончины. Он понимал, что и его принесут в жертву тому алчущему крови идолу с расколотой головой и железной маской вместо лица, упивающемуся людскими муками. Князь-жертва – это то, что даст жуткому Чернобогу немало сил, позволит ему получить преимущество перед Громовержцем...

– Опомнитесь! – кричал Игорь, извиваясь. Рвался так, что несколько сильных древлян едва справлялись с ним. – Нельзя силу темным давать, они только зло!..

Его привязывали, а он умолял. Даже обратился к одетому в черное молодому волхву, который один словно испугался чего-то, отвернулся, сторбился.

– Не меня пожалейте – людей племени своего! Будь мудрым, волхв, отриньте темноту. Небо вас покарает. Казните меня, но не для них...

– Отпускайте! – взмахнул широким белым рукавом волхв Маланич.

– Одумай...

Березы резко распрямились. Хряснуло. Алая кровь брызнула на белое одеяние Маланича.

– Свершилось! – торжественно воскликнул волхв, вскинул руки, держа над головой посох, смотрел горящим взглядом на пылающее тело Морены внизу, куда полетели горячие капли крови. Видел темное изваяние Чернобога в ее изголовье. – Прими жертву и не оставь нас, могучий.

Древляне ревели и вопили ликующе.

Чернобог молча смотрел. Фигура Морены сыто гудела пламенем, догорающим над костями жертв. Колыхались освобожденные березы, качая в вышине то, что осталось от князя...

Глава 1

С тех пор как воевода Свенельд решил обосноваться в Дорогожичах близ Киева, здесь сталолюдно и благоустроено. На холмистых возвышенностях над ярами выросли многочисленные хоромины воеводы: жилые терема, дружинные избы, складские помещения, амбары и кладовые. И все из добротных бревен строенное, частоколами высокими окруженное, крышами двускатными увенчанное. Крыши те блестели начищенным гонтом⁶, а со стыков кровель смотрели в разные стороны резные конские головы, нарядно раскрашенные.

Богато жил киевский воевода Свенельд. Вот-вот, киевский, ибо хоть усадьбу свою и возвел в стороне от самого града, но бывал тут редко. Так, наедет, попирует с дружинниками, созовет бояр на веселый пир-гуляние, а потом опять в Киев отправится, на Гору⁷, где подле княжеских хором у него отдельный терем высился. Ну а поселяне в Дорогожичах все одно с гордостью говорили: мол, мы Свенельдовы. Ибо и охранять свое владение Свенельд мог исправно: и дозоры тут на подступах к Киеву разместил, и большак широкий шел в низине, хорошо просматриваясь с бревенчатых сторожевых вышек на холмах. А вел тот большак к ровным площадям между холмами, где в дни матери Макоши⁸, с дозволу Свенельда, в Дорогожичах устраивали торги, лишь немногим киевским уступавшие. Когда этой весной от бурного таяния снегов разлился Днепр, затопив Подол⁹, немало торгового и ремесленного люда перебралось в Дорогожичи – отстраивали тут новые ремесленные посады, торги заводили. И все-то под рукой Свенельда боярина, воеводы лихого и посадника древлянского, богатого и влиятельного варяга. К нему шли охотно, зная о его сговорчивом нраве, хотя и понимали, что приветливый Свенельд выгоды своей тоже не упустит. Но уж лучше с таким... Тем более в последнее время Свенельд так возвысился, что, как поговаривали, и о княжьей шапке может мечтать. Или о браке с княгиней. Ибо о его дружбе-службе с мудрой Ольгой слухи-то ходили. К тому же Игорь неизвестно где, а Свенельд все время подле Ольги. Первый советчик ее и защитник.

В Дорогожичах же люди по прежнему радовались приезду воеводы варяга. А как женился он недавно, то даже надеялись, что чаще дома бывать станет. Однако не стал. И пошла тогда молва, что с суложью¹⁰ его не все ладно. Особенно, как узнали, что из древлянских лесов привез ее воевода Свенельд.

Казалось, нет ничего дивного в том, что состоявший посадником у древлян Свенельд выбрал супружницу из этого племени, однако поляне¹¹ древлян никогда особо не чествовали. Извечная старая вражда так просто не забывалась, да и знали, что у древлян бабы все как одна чародейки. К тому же разошлась весть, что боярыня Малфутка – или Малфута, как было велено ее называть, – не боярышня древлянская, а всего лишь девка-полюбовница, какую Свенельд подобрал в своих полюдьях¹², а теперь возвысил до положения законной жены.

А еще ходили толки уж вообще странные: сказывали, что как увидел боярыню Малфуту подле Свенельда Игорь князь, так и сам не свой стал. В лице поменялся, пировать с дружиной не пожелал, потом и вовсе словно разума лишился. Оттого и задумал сам отправиться в полю-

⁶ Гонт – своеобразная деревянная черепица, навошенная маслом до блеска и красиво блестящая на свету.

⁷ Гора – древнейшие поселения на Старокиевской и Замковой возвышенностях, где селились самые именитые бояре и воеводы, где располагался княжеский городок.

⁸ Макошь – женское божество плодородия и жизни, людских судеб и достатка. Пятница, когда на Руси исконно происходили базарные дни, считалась днем Макоши.

⁹ Подол – низинный квартал в Киеве на берегу Днепра, где находились ремесленные посады и торговые площади.

¹⁰ Суложь – законная жена.

¹¹ Поляне – восточнославянское племя, обитавшее по берегам Днепра, с центром в Киеве.

¹² Полюдь – выезд князя с воинством и служилыми людьми в подвластные земли, как для проживания за счет покоренных племен, так и для сбора дани, суда и других владельческих дел.

дые к древлянам, да и не в положенный срок, когда князя с дружиной отправлялись на кормление в дальние земли, а прямо тотчас, на исходе месяца березня¹³, едва из похода на ромеев возвратясь¹⁴.

И вот его уже больше месяца нет. Даже когда часть отбившей с ним дружины уже вернулась в стольный Киев, Игорь предпочел остаться у древлян. Якобы сказав своим людям: «Идите с данью домой, а я возвращусь и похожу еще».

Да неужто ему мало полученного было? Киевляне, не любившие древлян, и то говорили: сколько же можно требовать дани с людей, али совсем разорить их неугомонный князь надумал? Такого и Велес не одобряет, может и покарать князя за жадность. Велес-то суров, но справедлив. Да и Игорь никогда особой жадностью ранее не отличался, а тут...

И опять пошел слухок, что-де сглазила князя черным оком боярыня Свенельдова. И вообще была эта Малфута странная. Нелюдимая... а может, просто с ней самой никто общаться не хотел, сторонились ее люди. Уж ключница Свенельдова Липиха о том позаботилась. Издавна ведя хозяйство Свенельда в Дорогожичах, она власть немалую тут имела, а ее неприязнь к Малфутке только слепой бы не заметил.

Вот и в тот серый сырой вечер на исходе квитня месяца¹⁵, едва Липиха завидела из окошка ткацкой стоявшую на высоком заборе¹⁶ боярыню Малфуту, как выругалась грязно и неподобающе.

– Вот же, сучье вымя, отрыжка овечья, опять на дорогу пялится. Мужа ли ждет, али, наоборот, глазом своим черным колдовским путь его запутывает? От этой ведьмы древлянской всякое ожидать можно.

Липиха в досаде сплюнула; смотрела на светлый силуэт боярыни на дальнем заборе, гневно кривя маленький рот над пухлым двойным подбородком.

В покое за спиной ключницы несколько дворовых ткачих усердно работали. Постукивали рамы станов, споро ходили челноки в руках умелиц. Еще не настало время зажигать лучины на поставцах, но уже смеркалось, и тучная фигура Липихи у окна загораживала свет, и ткачихи недовольно косились на нее. Но Липиха не замечала их недовольства. Да и что ей до них, когда она тут полноправная хозяйка. Всегда так было, и при первой жене Свенельда, боярыне Межаксее, да и при этой древлянке дикой. Ведь некогда была Липиха кормилицей-мамкой воеводы Свенельда, вот он и почитал ее, властью в своем тереме наделил и ценил за умение ладно вести хозяйство его. А то, что Липиха на привезенную им древлянку косо смотрела, его не беспокоило.

Одна из ткачих все же попросила ключницу не закрывать проем, отойти от света. Другая и вовсе обмолвилась: де нет дива в том, что боярыня Малфута супруга высматривает, соскучилась поди – ведь он почитай что с отъезда Игоря к древлянам в Дорогожичи к жене не заглядывал. Но Липиха оглянулась на говорившую столь резко, что даже подвески-колты ударили ее по толстой щеке.

– Цыц у меня, ноздря поросячья. Взяли обычай голос подавать, когда не спрашивают. Того и гляди отправлю вас из светлой горницы коровники чистить.

И удалилась, важно позвякивая связкой ключей у пояса.

После ее ухода ткачихи разговорились.

– Важничает, словно это ее терема тут. Вон прежняя боярыня Межаксева умела ее на место ставить, а эта дикая побаивается.

¹³ Березень – март.

¹⁴ Об этих событиях говорится в романе «Ведьма и князь».

¹⁵ Квитень – апрель.

¹⁶ Заборы – укрепленный переход-галерея на окружавших поместье или крепость стенах.

– Ну сравнила. Межаксева из боярского рода была, она сама павой ходила, ей никто не указка был. А эта древлянка только зыркает темным оком да молчит.

– Вот уж действительно темным, сорочьим. И что в ней наш Свенельд нашел? Разве киевские боярышни хуже ее, что он привез эту невесту откуда?

– На все его воля, – отошла к кадке с водой немолодая толстая ткачиха. Зачерпнула ковшом-утицей, отпила глоток, а сама в окошко посмотрела на силуэт боярыни Малфуты на заборе. – Знаете, а мне ее порой даже жалко. Вон Липиха нас всех сюда перевела, у древлянки почти никого в услужении, кроме старух приживалок, не осталось. Худо ей, наверное, жить в одиночестве в пустой хоромине теремной. Да и Свенельд что-то не спешит к своей избраннице. Может, и разлюбил?

– А ты бы шла пожалела ее, – хмыкнула другая мастерица. – Нет, девоньки мои, пусть Липиха и ворчит на Малфуту, да только в этой древлянке и впрямь есть что-то такое... Как глянет порой, кровь в жилах стынет.

И опять ткачихи гадали, чем приворожила удалого красавца Свенельда древлянка: и худая, и смуглая, как чернавка с грядок, и щеки запавшие, только косы и хороши – черные как зола, длинные, в руку толщиной будут. Но не за косы же полюбил ее Свенельд, раз взял суложью? Вот прежняя его боярыня Межаксева была краса – статная, румяная, беленькая, как сметанка. А эта... Словно и отъестся никак не может на харчах теремных, да все сидит в углу с котом своим. И зачем ей тот кот? Кошки в теремах живут своим ловом, их удел мышей в закромах гонять, а боярыня-древлянка подобрала где-то этого заморыша и теперь откармливает его сливками да куриными потрошками, даром, что сама едва куснет.

– А я вот слышала, – подала голос самая молоденькая из работниц, – что мутит Малфуту эту от пищи. Может, непраздна¹⁷ она?

– Может. Только когда это она успела-то? Свенельд все больше в Киеве пропадает, сюда едва заглянет порой и надолго не остается.

– Но ведь для этого дела и не нужно долгого умения, – захихикала молоденькая работница. – Да и ласков всегда Свенельд с ней в приезды, холит, наряжает богато.

– Ну а потом уносится опять на несколько седмиц¹⁸ в Киев, словно ему там медом намазано.

И захихикав ткачихи стали судить и рядить, где именно в Киеве Свенельду медом намазано. Не иначе как в тереме Ольги пресветлой. И уже тише зашептались о том, что вот бы кто хорош был для раскрасавчика Свенельда, так это сама княгиня. Даже Липиха как-то обмолвилась, что ее соколик Свенельд как раз княгине под стать. Зато вот Игорь жену не больно жалуется.

Тем временем сама Малфутка одиноко стояла на высоком заборе. Глядела на проложенную в низинах широкую дорогу, куталась в светлую пушистую накидку, под которой прижимала к груди единственное близкое ей тут существо – черного котенка. Котенок сладко мурлыкал в полудреме, и от этого Малфутке было не так тягостно на душе.

Она понимала, что ее тут не любят, что она тут чужая, что не пришлась ко двору. Вон, даже прошедший мимо по стене охранник глянул неприветливо, а отойдя, сплюнул три раза через плечо да зашуршал кольчугой, доставая из-за пазухи оберег. Малфутка грустно вздохнула, опять взглянула туда, где в сгущающихся сумерках пустынно светлела дорога. Ну где же ее муж, ее сокол ясный Свенельд? Ей ведь нужно весть ему важную сообщить... Она уже не сомневалась, что дитя носит под сердцем. А он... как налетит, зацелует, вытащит на пир со своими боярами да гриднями¹⁹, напьется хмельного меду, так что слуги его под руки в опочивальню втаскивают. А к утру словно и не пил – вскочил на коня и умчался. Она все не гово-

¹⁷ Непраздна – беременная.

¹⁸ Седмица – неделя, семь дней.

¹⁹ Гридни – главные, полноправные воины в дружине.

рила ему, пока сомневалась, спросить у кого бы, посоветоваться... Но ей ведь и поговорить тут толком не с кем. Вот только с котеночком приبلудным...

Опять принялся моросить дождь. Надо же, какая дождливая весна в этом году, солнышко совсем не балует, все прячется в серой мути, из которой то и дело летит холодная влага. И от того на душе так тоскливо... А ведь как она радовалась, когда Свенельд вез ее из полюдья в Киев! Думала, что ждет ее отныне жизнь счастливая и бесхлопотная. А вышло... совсем одна она осталась.

Оправив на голове широкую шаль, перекинув через плечо одну из длинных черных кос – так и звякнули серебряные подвески на ней, – боярыня Малфутка стала осторожно спускаться по сходням в усадьбу. Внизу, среди бревенчатых срубных построек, было темно. И тихо так... Откуда-то со стороны людских долетал приглушенный гомон, кузня еще бухала за поворотом, а тут... Малфутка стояла, прислушиваясь.

Она всегда знала, что в каждом жилище существует своя незаметная жизнь. Сколько бы людей ни садилось трапезничать у очага, всегда незаметно рядом обитают домовые духи. Малфутка и ранее ощущала их присутствие, однако в последнее время стала замечать их более ясно. Может, это оттого, что некогда волхвы обучали ее чародейству? Странное то было время, да и запамятовалось все, как будто спала она долго, видела сон, да все позабыла, когда за ней Свенельд приехал.

Друг Малфутки, молодой ведун Малкиня, как-то сказал ей, что она со временем вспомнит прошлое. Ей порой и казалось, что вспоминает, марилося всякое: то как будто с лешаками она зналась, то словно волколака²⁰ приманивала, желая расколдовать, а то и как будто скрывалась от кого-то. Она о том пробовала со Свенельдом поговорить, да он лишь отшучивался. Мол, чего только не бывает в древлянских чащах, мороков там... ну чисто киевлян на торжище. И все же Малфутка понимала: что-то важное ускользнуло из памяти. И сама себя ощущала какой-то другой. Она – и как будто и не она. Да и странным ей казалось так отчетливо замечать то, о чем другие даже не подозревают.

Вот и сейчас, остановившись среди хозяйственных построек, Малфутка почувствовала рядом чье-то присутствие. Видеть не видела, а знала, что возится в козьем загоне дворовой²¹, лопочет своим любимицам козам что-то успокоительное, а там под высокой кровлей шуршит сеном овинник. И не было бы в том ничего странного, если бы только она и ранее их так хорошо замечала. Но раньше она скорее догадывалась о них, а теперь слышала... и видела. Вот так, прямо сейчас, увидела она, что из-под стрехи овина смотрят на нее желтые светящиеся глаза, смотрят недобро, даже словно ворчание некое раздается. И она поняла, что это овинный дух – овинником называемый.

Малфутке бы испугаться, но отчего-то не боялась. Да и котенок у нее в руках по-прежнему мурлыкал преспокойно и довольно. А как она уже стала понимать, ее домашний любимец тоже чуял соседних духов-обитателей, но волновался только, если было в них что-то необычное или недоброе. И Малфутка шагнула вперед, вглядываясь в блестящие огоньки сердитых глаз овинника.

Она стояла, вслушивалась в это ворчание, словно овинник ругался злобно. И совсем не обратила внимания, когда позади нее раздались шаги и голоса, не расслышала позвякивание связки ключей. Лишь когда из-за поворота на нее едва не налетела шедшая вместе со сторожами-обходниками Липиха, когда та вскрикнула от неожиданности, Малфутка будто очнулась. Резко повернувшись, смотрела на всполошившуюся ключницу и холопов.

На круглом полном лице Липихи недоумение сменилось обычной раздраженной гримасой.

²⁰ Волколак – волк-оборотень.

²¹ Дворовой – дух-покровитель дворового хозяйства, помощник домового.

– Ты чего это тут в потемках таишься, боярыня? Ума у тебя кот наплакал, а степенности и достоинства еще меньше, если толчешься тут, как чернавка какая навозница. Шла бы к себе, я уже вечернюю трапезу велела тебе отнести. А ты... Что, спрашивается, ты тут делаешь? – уже с подозрением спросила Липиха, даже велела одному из сторожей посветить вокруг, будто эта древлянка могла с кем-то тут встречу назначить.

Свет спугнул овинника, он исчез, глазами-огоньками уже не посверкивал, да только его недовольное бормотание по-прежнему долетало из-под стрехи. И такое громкое и раздраженное, что просто дивно, как это ключница и дворовые ничего не замечают.

– В овине крыша давно прохудилась, – сообщила Малфутка то, на что гневался овинный дух. – Весна нынче дождливая, вот и протекает. А это неладно, надо перекрыть кровлю-то.

При этих словах Липиха перво-наперво растеряно оглянулась на дворовых, а потом, словно опомнившись, выпрямилась во весь свой невеликий рост, грудь выпятила, пузо под расшитым передником выставила.

– Что это делается, боги пресветлые? Да неужто ты, древлянка дикая, упрекаешь меня в нерадивости?! Да я хозяйством не первый год заправляю, все у меня учтено и продумано, за всем я присматриваю и указаний какой-то приبلуды лесной не потерплю! Ишь, явилась сюда и норов свой выказывает! Я боярину пожалуюсь на твое самоуправство и придирки, скажу, как ты меня за службу верную хаешь...

Липиха говорила еще и еще, совсем забыв, что с боярыней разговаривает. Да и Малфутка смутилась, пятилась от раскричавшейся бабы, на посмеивающихся дворовых и глянуть боялась. Чужая она тут и нежеланная. Ей и с разгневанным овинником было легче общаться, чем с людьми, которые испытывали к ней лишь презрение и неприязнь. От огорчения она не сообщила, что ругает-то ее как раз та, кто служить ей обязана. Поэтому, так ничего и не ответив, Малфутка поспешила прочь, почти перебежала широкий двор, поднялась по ступеням крыльца, легкой тенью кинулась по переходам к своему терему и остановилась, только хлопнув за собой тяжелую дверь.

Липиха же еще какое-то время лютовала, даже треснула одного из сторожей по затылку, чтобы облегчить душу. А потом задумалась.

– Чего же она толклась тут в потемках?

– Да она все время где-то таится в переходах, ведьма древлянская, – потирая ушибленный затылок, проворчал сторож. – Людей сторонится, с кошкой своей все возится, словно эта тварь бессловесная ей ближе простого людя.

Липиха согласно кивнула своим богатым повоем²², поправила покрывавшую его цветную шаль, но потом все же повелела, чтобы завтра же овинные работники подлатали крышу. Самой себе не хотела признаваться, что сразу поверила древлянке.

Малфутку в темных переходах встретила старенькая горбуня приживалка.

– Матушка-сударышка наша явилась, лапушка наша чернокошая. А мы-то уже обыскались, – лопотала старушка дребезжащим голосом. – Трапезничать изволите идти? Кашка-то на столе горячая и духовитая, молочком и медом приправленная. Небось ты в лесах диких древлянских такой и не едала.

Каша действительно оказалась вкусной, однако есть почему-то не хотелось. Вот и водила ложкой по миске, сама не столько ела, сколько окидывая взглядом свою богатую горницу. Красиво тут, свод над головой узорами из переплетающихся трав и цветов расписан, широкие половицы выскоблены добела, лавки покрыты тканями яркими ковриками, сундуки крестнакрест обиты медными полосами, красиво поблескивающими при свете высоких свечей в литых шандалах. Думала ли когда-либо древлянка Малфутка, что в такой роскоши ей жить

²² Повой (повойник) – женский головной убор в виде шапочки, которая возвышается надо лбом и сзади затягивается на завязки.

придется? Но все равно не было ей тут счастья. Одинока она и заброшена... даже милым любимым соколом своим оставлена. Вон он опять подарки ей прислал из Киева: медовых пряников отправил, рулоны заморской парчи, ларчик с притираниями ароматными. Но что ей все его дары, когда сам не спешит?

Малфутка отодвинула расписную миску и кивнула приживалкам-служанкам, мол, доедайте. Те так и кинулись, толклись в углу возле горшка, стучали ложками, чавкали.

– А вы молочко домовому у порога поставили? – спрашивала у них Малфутка. Те кивали, не переставая есть. – А кикиморе моток пряжи в подпол кинули, чтобы не скучала?

Опять кивают. Уже привыкли, что боярыня о каждом домашнем духе печется более, чем о себе самой. Вон сказала, чтобы уходили, оставили ее: не хотела сегодня сказок их слушать, косы сама взялась расчесать на ночь.

Ее широкое ложе было мягким и... холодным. Она металась по пышным подушкам, сбрасывала меховые покрывала. Душно. Дождь идет за окошком, шуршит по вставленным в частый переплет стеклышкам. И грустно так... И Свенельда все нет. А ей ведь о ребеночке сказать ему надо.

Соскочив с ложа, как была в одной рубахе, с обтекавшими ее едва не до колен густыми черными волосами, Малфутка уселась перед зеркалом. Овальное, из гладкого посеребренного листа меди, оно почти не искажало ее отражения. Малфутка поставила по бокам две высокие белые свечи, стала вглядываться в полированную гладь, шепча наговоры, вызывая образ того, кого любила без памяти, чье дитя носила и даже все не имела возможности сказать о том.

– Ты услышь, услышь меня, милый мой разлюбезный, – шептала Малфутка, вглядываясь в темноту за своим отражением. – Покажись, отзовись, мой любезный друг, услышь печаль-тоску мою. Явись, покажись.

Но белесый свет отражал только ее смуглое лицо с ярким широким ртом и высокими скулами, под которыми тени обозначали легкие ямки, нос с горбинкой, темные большие глаза под круто расходившимися бровями. И еще отсвет падал на край ее расстеленного ложа, белые полотняные простыни, откинутое в сторону покрывало нежного рысьего меха, по которому сейчас скакал и играл черный котенок.

Вдруг котенок замер, выгнул спину, зашипел сердито и испуганно. Древлянка обернулась. Знала, что ее зверек всегда чует необычное. Не тех привычных домашних духов, не кикимору теремную, шуршащую кинутый пряжей в подполье, не легкие семенящие шажки домового. Эти звуки улавливала и сама Малфутка. А вот когда появлялось *это*...

Казалось, пора ей привыкнуть, что в тереме происходит нечто неладное... Однако как привыкнешь?

Котенок все шипел, скаля маленькие белые зубки, а его светло-зеленые глаза были направлены... Малфутка бросила взгляд в угол, где стояло высокое резное кресло. И показалось ей, что звенья бревенчатой стены за ним словно бы стали колебаться... как будто дымок легкий потек с них.

Мутный дым постепенно начинал принимать очертания невесомой фигуры. Она становилась все более четкой, оставаясь при этом полупрозрачной, так что даже была видна бревенчатая стена позади. Но призрачную гостью уже можно было рассмотреть: стала видна облегающая ее высокое сильное тело рубаха, почти такая же, как была и на Малфутке, даже с похожей вышивкой на рукавах. Босая была и волосы распущенные – длинные, светлые как лен, ниспадающие почти до колен. Теперь Малфутка могла ее точно рассмотреть: бледное до синевы лицо, тонкие дуги бровей, закрытые, как во сне, глаза. Красивая... была бы, если бы не веяло от нее таким холодом и жутью...

Малфутка, бурно дыша, сжимала в кулачке лунницу²³ так, что до боли натянула шнурок оберега на шее. Кричать хотелось... но она молчала, словно кто печать на уста наложил. Так всегда бывало, когда из темных закутов возникало это странное видение... блазень²⁴, таинственный и печальный. Малфутка смотрела, ожидая того страшного мига, когда призрак начнет открывать глаза.

Котенок шипел, потом утробно зарычал, уши его были прижаты, зубки оскалены. И призрачная гостья сперва посмотрела на него. Глаза у нее были светлые, незрячие, мертво-пустые. Она даже вроде бы силилась улыбнуться, но лицо ее только подергивалось. Потом стала медленно стала поворачиваться, не двигая станом, не поворачивая головы, будто ее вращали над полом некие потоки. Она была легкой, но при этом уже казалась почти реальной, если бы только не висела на добрый локоть выше половиц.

И вот заметила Малфутку, медленно поплыла к ней. Древлянка не могла двигаться, лишь ощущала, как зашевелились волосы на затылке, а на лбу выступил холодный пот. Страшная гостья подлетела почти вплотную, смотрела, глаза расширились, стали ужасными. Вот и губы зашевелились, точно она пыталась что-то сказать, даже брови сошлись к переносице от натуги. И начала изменяться... как и ранее бывало.

Она еще что-то беззвучно говорила, но уже по лбу, от ровного пробора потекли темные тени, становились все глубже, превращаясь в глубокие морщины, набрякли мешки под глазами, исказился округлый подбородок, пошла жилами только что гладкая шея. Женщина-блазень старела прямо на глазах, ссыхалась, горбилась, скрючивалась. И вот уже в воздухе висела старуха, всклокоченная, седая, с жилистыми когтистыми руками, которые она тянула к замершей Малфутке. Руки эти дрожали, на старческом изможденном лице проступала невыразимая мука, беззубый ввалившийся рот кривился в немом крике, глаза почти вылезли из орбит от натуги. Ее трясло, глубокие морщины становились трещинами, черными, извилистыми; вот трещины стали расходиться, кожа сползала клоками, отлетала шелухой, обнажая скелет, череп с жутким оскалом мертвой улыбки, исчезли в провалах глаза. И словно вихрь подул, Малфутка почти обоняла трупную вонь бестелесного духа...

Миг – и опять висела перед ней в воздухе молодая красавица, но голова ее бессильно свешивалась, точно ее клонили вниз тяжелые белые волосы, лицо было чистым и спокойным, отсутствующим, глаза покорно закрыты. И все. Ее единым рывком утянуло в звенья стены. Будто и не было ничего. Только свечи подле зеркала заколыхались, отбрасывая по углам мятущиеся блики, да холодом веяло.

– О мать Макошь, защити, – выдохнула Малфутка, чувствуя, как с нее спало оцепенение. Опять слышала, как утробно рычит ее котенок, но это был уже реальный звук, который издавало живое существо.

Она кинулась на ложе, заскочила с ногами, вжалась в подушки в изголовье, схватив и прижав к себе котенка – весь он мелко дрожал в ее руках. Малфутка гладила его, успокаивая, и постепенно стала успокаиваться.

– Тише, тише, мы никому о том не скажем, – шептала.

А отчего никому, Малфутка сама не знала.

Она долго не спала, лежала, сжавшись в комочек, даже когда обласканный котенок перестал дрожать, заурчал успокоительно. И звуки стали такими привычными и спокойными: выводил трели сверчок, стучал в окошко мелкий дождик, кряхтели за дверью во сне ее старенькие прислужницы, где-то на заборках перекликалась стража, можно было различить, как спует

²³ Лунница – женский оберег у славян.

²⁴ Блазень – призрак, привидение.

по дому, цокая когтистыми лапками, домовой. А там и полупрозрачная Дрема²⁵ проплыла легкой тенью, дунула на свечу, загасив, наслала сон...

Проспала молодая боярыня долго, крики горластых петухов и оживление в тереме ее не разбудили. Лишь когда в дверь решительно застучали, она наконец очнулась, отозвалась еще хриплым со сна голосом. Дверь отворилась широко и резко, на пороге возникла Липиха.

– Все спишь, сударушка? А того не ведаешь, что радость великая у нас: хозяин прибыл на ясной зорьке. Тебя беспокоить не велел, но ведь пора и честь знать: светлый день на дворе. А Свенельд сейчас в баньке парится, и ты, как заботливая жена, должна прислужить ему, обмыть с дороги.

Малфутка подскочила. Спешно скручивала узлом рассыпающиеся непокорные волосы, скалывала их гребешком, шаль накидывала, уже выбегая за порог.

Как в хозяйстве полагалось, баня располагалась в стороне от теремных построек, в низине подле быстро бегущего студеного ручья, у широкой заводи. Пар от нее валил, пахло буковым сладким духом, березовыми настоями.

Свенельда древлянка увидела в предбаннике. Сидел он, откинувшись к стене на покрытой сукном лавке, раздетый, сильный, только на бедра сукно светлое наброшено. И был он такой... такой влажный, сильный, мускулы бугрились на его крепких руках, широкие плечи влажно блестели, выпуклые пластины груди сейчас казались расслабленными, а живот с легкой порослью волос весь в квадратах тугих мышц. Малфутка не могла глаз от него отвести. Судорожно вздохнула.

Свенельд с ласковой улыбкой повернулся к жене. Его светлые, почти соломенные волосы, потемневшие от влаги и пота, спадали мокрыми прядями на весело блестящие зеленые глаза. Взгляд был лукавым, понимающим.

– Ну иди же ко мне, – подмигнул древлянке, поманил.

Она так и кинулась. Целовала его жадно и лихорадочно, в глаза, в губы, в шею, сильные плечи обцеловывала, бедра гладила, опять в глаза смотрела затуманенным горящим взором.

– Свен мой, ладо мое, муж мой желанный...

Свенельд лохматил ее рассыпающиеся пышные кудри, целовал в мягкие яркие уста. А потом одним сильным движением опрокинул на лавку. И вошел в нее легко, она словно втянула его в себя своей жаркой истомой, готовностью, жадностью. Свенельд даже застонал от такого ее желания. Она была такая... подобного он ни с кем никогда не испытывал. Свенельд медленно двинулся в ней, легко и скользко погружаясь в ее лоно, покачиваясь, как на горячей волне. А она тянулась к нему, заурчала голодной кошкой, выгнулась.

– Я твоя...

– Я с тобой все забываю.

Малфутка едва не плакала. Ощущала, как по телу расходятся круги невероятного наслаждения.

– Любый мой...

– Древляночка...

– Ближе, еще ближе, – молила она, обнимая его, прижимаясь. – Сильнее. Возьми меня всю... без остатка.

Их страсть всегда была бурной и жаркой. Они будто сразу становились единым целым, полным жара и влаги, стука сердец и неги, горячего бреда, когда и слова – не слова, и чувства сродни бреду, а наслаждение... Оба вскрикнули, не сдерживаясь, ибо подобное трудно было сдержать в себе.

²⁵ Дрема – домашний дух, который расслабляет и насыляет сон.

– И что ты со мной делаешь, чародейка моя? – произнес через время Свенельд, поднимая над ней тяжелую, будто хмельную голову.

Его лицо было влажным от пота, и она ласково провела кончиком пальцев по его темным бровям, по переносице, по тонкому ястребиному носу. Он хотел еще что-то сказать, но ее пальчик как раз застыл на его губах, она не дала и слова молвить, так поцеловала. Она была ненасытной, и ее жадность к нему вновь зажигала в нем вожделение, и он, еще бессильный, вновь отвечал ей, а потом волнообразно двинулся, как будто в ее воле было вернуть ему силу и новый яркий запал.

Разговаривать смогли, только когда страсть их отпустила.

– Хорошо, что банька в стороне стоит, – произнес Свенельд, откидываясь на спину. – А то бы потом дворовые могли похвалиться, что ведают, как стонет и вопит их боярин в любовном порыве. Хотя... И так, наверное, знают, как ты мила мне.

Его жена ничего на это не сказала. Но подумалось: знали бы, то скорее ей бы служили, а не надменной Липихе.

Когда немного позже они, довольные и расслабленные, пили в предбаннике квас, Малфутка все же решилась заговорить.

– Я тут... Мне сообщить тебе важное надобно.

Он чуть повернул к ней лицо, смотрел спокойными зелеными, как лесное болото, глазами. Его древлянская жена, какую он привез и сделал своей боярыней... любовницей сладкой, о которой сам Игорь князь мечтал. И Свенельд поймал руку ее, повернул к себе ладонь, на которой белел старый шрам от пореза. Ох и многое же узнал о своей избраннице Свенельд за это время.

Малфутка смотрела на него будто с неким смущением, потупилась стыдливо. С чего бы это? Чтобы его раскованная и горячая древлянка да смущалась? Вон как спокойно разгуливает при нем нагишом, только ее черные кудрявые волосы покрывают ее худощавое жилистое тело, пристают к высокой груди волнистыми змейками. Да, гладкой и пышнотелой ее не назовешь, но ведь таковой и должна быть лесная охотница, найденная им в древлянских лесах. Охотница... Или еще кто...

Ибо Свенельд знал, что лесные древляне считали его жену ведьмой, да и сам он видел ее иной, когда ее приковали к столбу, сжечь хотели...²⁶ Однако она забыла свое прошлое. И хорошо, что забыла. Свенельд взял ее в жены, и незачем ей ведать, какова ее подспудная сущность. А уж свою власть над ней Свенельд хорошо знал. В его силах было подавить тот колдовской морок, то злое наваждение, какое таилось в простодушной древлянской девушке.

А еще Свенельд не забывал, что Малфутка ценна для него тем, что умеет находить живую и мертвую воду. И это ее приданное, для этого и брал ее за себя. Ведь ее дар такое богатство что... что и сказать страшно. Ну а то, что порой люди болтают, мол, взял прославленный воевода за себя древлянку дикую, его мало волновало. Зато вот выждет он времечко, да докажет вернувшемуся князю Игорю, что Малфутка вовсе не та чародейка, какую князь некогда любил... Там и снова его время отправляться в полюдье настанет. И уж там его жена-древлянка поможет ему распознать, где бьют из земли источники живой и мертвой воды, цена которым просто несказанная. А Игорь... И Свенельд подумал, как хорошо, что Малфутка забыла свое прошлое, забыла, что некогда ее превратили в ведьму Малфриду и князь Игорь едва ли не ел с ее рук.

– Ты что-то хотела сказать, суложь моя милая? – произнес он, видя, что она улыбается чему-то и так мило покраснела.

«Суложь моя милая», – повторила про себя Малфутка, блаженно прикрыв глаза.

²⁶ Эти события происходили в романе «Ведьма и князь».

– Так вот... Сперва не сказывала, так как не уверена была, а потом ты долго не приезжал. Но теперь-то я знаю... Понесла я, Свенельд. Ребеночек у нас будет.

И взглянула из-под длинных ресниц. Ждала: вот сейчас обнимет ее, вот засмеется счастливо!..

Но Свенельд смотрел серьезно, лицо застыло, а зеленые глаза стали будто стеклянными. И казалось думал о чем-то далеком-далеком...

– Неужто не рад? – отшатнулась от него Малфутка. Сидела на коленях подле лавки, снизу вверх беспомощно и растерянно глядя на мужа.

Он по-прежнему молчал. Опустил ресницы, оставался неподвижен, только желваки на скулах заходили ходуном. Потом резко встал, зашел в парную – там зашипело, когда он плеснул квас на раскаленные камни.

Малфутка осталась в предбаннике, слышала, как он сильно стегает себя веником, как охает, но не расслабленно, а как-то зло, будто бьет себя до боли. Резко вышел, облился холодной водой из ушата, схватил свежую рубаху, быстро натянул на мокрое тело. Когда он уже обувал сапоги, Малфутка робко попыталась ему помочь, но Свенельд резко отстранил ее руку. И тогда она не выдержала:

– Что не так, Свенельд? Я ведь сына от тебя понесла... или дочку. Раз уж наша с тобой Малуша осталась у волхвов и найти ее нет возможности.

Это упоминание о их некогда рожденной дочери как-то странно повлияло на Свенельда. Он тихо застонал, потом вдруг погладил Малфутку по голове. В глазах уже не было прежнего холода, однако и тепла не было.

– Да, твоя Малуша была моей дочерью. И еще у меня есть сыновья Мстиша и Лют от прежней жены. А твое дитя... Уже и не знаю, от кого оно.

Малфутке стало больно. Распирающая боль заполонила грудь, давила с такой силой, что на глаза навернулись слезы. Свенельд это заметил, но словно пуще рассердился.

– Я женой тебя брал перед всем Киевом, все знают, что моя ты боярыня. И о нас много говорят. А твой прибудок... Ты ведь древлянка, Малфутка, вот и должна знать, что у того, кто живую и мертвую воду употребляет, не может иметь потомства. Я же более полугода как пью живую воду. Так мог ли я зачать тебе дитя?

Он резко встал и вышел, грохнув дверь.

Малфутка осталась сидеть, молчала ошарашенно и оглушенно. В ту пору, когда они вместе с варягом Свенельдом бродили по древлянским болотам, она сама ему рассказывала, что пьющий чародейскую воду остается молодым и сильным, однако не имеет способности зачинать детей. Вечная жизнь не совместима с продолжением рода – это закон. Так выходит... От кого же тогда ее ребенок?

Малфутка медленно оделась, шагнула через порог, даже забыв поклониться строго требовавшему почтения баннику, пошла по склону вверх к хоромине. Повернулась, только слышав шум отъезжающего отряда. Она видела, как Свенельд пронесся мимо – в опушенной мехом шапочке, в красиво отлетавшем при скачке малиновом плаще. Скакавший за ним воевода Торбьерн, завидев Малфутку, вроде как и рукой ей помахал, но его приветливая улыбка замерла, когда увидел, как пронесся мимо нее Свенельд, даже не взглянув на жену.

Она медленно и устало возвращалась в терем. Рубаха надета как попало, сама растрепанная, босая, взгляд погасший, а в бессильной руке волочилась по земле шаль. Прошла мимо, не замечая, какими взглядами обменивается челядь. Лишь когда поднималась на высокое крыльцо, услышала позади себя довольный голос торжествующей Липихи:

– Ну что? Я же говорила, что недолго ей тут боярыней разгуливать. Вон, умчался от нее наш сокол ясный, словно от порчи какой. Так что помяните мое слово, выгонит он ее взашей, чтобы взглядом своим сорочиним не зыркала тут на добрых людей.

Глава 2

Однако, вопреки предсказаниям Липихи, Малфрида осталась в Дорогожичах. Да и не о ней вскоре люди заговорили. Ибо уже к вечеру прискакал дружинник Свенельда Ярец и сообщил страшную новость: убили древляне дикие Игоря князя. Казнили его люто, вместе с его малой ближней дружиной. Только одного кметя отпустили, чтобы тот сообщил в Киев о расправе.

Ярец рассказывал, что весь град бурлит, никто не знает, чего теперь ожидать, все гадают, кого на княжение ставить придется. Ведь сын Игоря Святослав еще дитя совсем, а другой его сын Глеб, какого он в Новгороде посадил, слишком слаб, чтобы править, да и, как сообщали, все больше с христианами время проводит, а к власти не рвется. Так что будут дела...

Все это Ярец рассказывал в большой гриднице²⁷, где собрались люди Свенельда. Боярыня Малфута сидела на высоком кресле, смотрела на Ярца странным взором, словно с трудом понимая услышанное. А за ней столпилась дворня, сперва все оторопело молчали, потом заговорили все сразу, бабы голосить начали. И Малфута вдруг прикрикнула на них, да так властно, что и Липиха растерялась, слушала, как и все, как боярыня спрашивает у Ярца:

– Неужели древляне не понимают, что им за смертоубийство князя грозит? Ведь теперь рати всей Руси на них пойдут и кровью зальется Древлянская земля.

Ярец недоуменно теребил кудрявую бороду, огладил белесый рубец на щеке.

– То-то и оно, что странно все это. Но древляне не так и просты, что-то страшное замыслили. Что такое, я не ведаю. Да только Ольга испуганной после разговора с гонцом выглядела. Словно исполох²⁸ на нее напал, тряслась вся, разговаривать ни с кем не стала, заперлась в покоех.

– Может, просто о гибели мужа кручинится? – пыталась найти объяснение Малфутка.

Ярец пожал плечами. Что тут ответить? Боярыня вон все верно соображает, однако теперь, когда князя нет, а воинство кому-то возглавлять надо, да и престол кто-то занять должен, еще неясно, как дело-то обернется. И хотя люди привыкли, что во время походов Игоря княгиня Ольга ладно на Руси правит, однако она женщина, а в отдельных княжествах сидит немало сильных князей, какие захотят показать, что и им власть по плечу.

Малфутка приказала челядинцам накормить гридня и устроить на отдых, а сама поднялась к себе. Сперва думала о том, как же древляне на подобное решились, что теперь на них пойдут войной, что и Свенельд пойдет в тот поход, он ведь посадник древлянский, ему первому с них спрашивать да карать. И теперь ему не до нее... Да и неясно, как долго она будет тут хозяйничать, когда она беременна и сама не знает от кого.

Малфутка твердо знала, что с момента встречи этой зимой со Свенельдом она и не помышляла ему изменять. А вот что было до этой встречи?

Но одно Малфутка уразумела: с той поры, как она звалась у древлян Малфридой, и до того, как Малк опять назвал ее Малфуткой, прошло немало времени. Она и по себе самой это чувствовала, и по разговорам со Свенельдом уразумела, даже по его недомолвкам так выходило. А еще вспомнилось, как советник княгини Асмунд, правая ее рука, тоже начинал звать Малфридой. Но этот-то откуда узнал? Да и разве не Малфридой окликнул ее Игорь князь при первой же встрече?

Думая про князя, Малфутка ощущала странное недоумение. Было у нее чувство, как будто знала его ранее. Да и Игорь повел себя так, словно она была важна для него. Липиха вон говаривала, что это Малфутка заставила князя в полюдь то несвоевременное отправиться.

²⁷ Гридница – большое помещение, зал.

²⁸ Исполох – сильный испуг, временное помешательство от страха.

Но Липиха баба злобная, она лихое скажет, не подумавши. И все же... Все же... Почему Малфутка так часто вспоминала князя? Может, оттого, что ее многие о нем спрашивали. Вон тот же Асмунд с вопросами подступал, даже Свенельд вопрошал время от времени, да еще и поглядывал так испытующе. Но Свенельд мог просто взревновать, памятуя, как жарко и пристально смотрел на нее князь Игорь. Она и сама тогда опешила, а еще... Еще был на ладони у Малфутки шрам, невесть когда полученный. И о нем почему-то знал Игорь. И вот порой, когда Малфутка смотрела на этот шрам, начинало ей мариться всякое: будто сидит она где-то в шатре, обещает что-то Игорю, а он... Он милым ей казался, красивым... желанным. Это было так странно!..

От подобных воспоминаний Малфутка совсем выдохлась. Такое чувство было, словно ломится она в тягучую темноту, продирается к чему-то сокрытому, теряя силы. Даже голова разболелась, кругом пошла. И раздражало жалобное мяуканье котенка. Только его голос и раздавался подле нее в пустой темной горнице.

Малфутка все же кликнула кого из своих старушек-прислужниц. Ответа дождалась не сразу, потом различила шаркающие семенящие шажки, и в проеме двери возникла согнутая чуть ли не пополам фигура ее горбуны Годони.

– Вот что, Годоня, принеси-ка нам с Мороком поесть.

Мороком Малфутка назвала своего котенка. Как будто иное имя ее черному питомцу и не подходило. А ведь был вон какой ласковый: как позвала, сразу же вскочил к хозяйке на колени, ластился, смотрел желтыми во тьме глазами, лбом под ладонь тыкался, урчал, хотя и одновременно мяукал жалобно.

Вернувшись Годоня стала расставлять на столе крынки, при этом все приговаривая:

– Вот сыворотка, вот каша пшенная, а вот грибочки прошлогоднего засола, тугие еще, крепенькие да острые. Тебе, сударушка, да еще и в твоём положении, небось как раз таких и хочется. А вот погляди, я и капустки квашеной принесла, кислой да пряной. Беременные бабы до такой страсть как охочи.

Малфутка и впрямь с удовольствием зацепила ложкой капусты, ела с удовольствием, маринованным сочным грибочком закусала. И только через миг до нее дошло, что Годоня знает, что боярыня непраздна.

– Откуда знаешь, что я дитя под сердцем ношу?

Движения горбуны стали медленнее, она подняла к боярыне сморщенное, как печеное яблоко, лицо. Малфрида и во мраке видела ее крючковатый нос, запавшие старческие губы, дряблые веки на маленьких, по-мышьиному поблескивающих глазах. И взгляд был такой осторожный.

– Да я ведь служу тебе, боярыня. Остальные вон под Липихой ходят, а я все при тебе. И как не прознать, когда ты и ветошь в бабы дни ни разу не просила, да и на кислое и соленое налегаешь. Да и мутило тебя пару раз по утрам. Я-то стара, но как бабы дела проявляются, не забыла еще.

И тут, в какой-то миг, Малфутка поняла, что они с Годоней смотрят друг на друга в полной темноте. Свечи старуха так и не зажгла, а ведь видит все. Ну и Малфутка видит, ей что при свечах, что во мраке, без разницы. Когда-то волхвы говорили Малфутке, что это один из ее чародейских даров, а вот у горбуны как это получается?

Наверное, на лице боярыни появилось недоумение, и Годоня то заметила. Застрекотала сразу же торопливо, что вот сейчас она и кота хозяйского покормит, что нечего ему по столу лазить. И закискискала, наливая в миску молока из кувшина, все так же в темноте. Малфутка проследила, как горбуня, сопровождаемая довольно поднявшим хвостик котом, прошла в угол, при этом обогнув по пути табурет, не задела.

Малфутка так и спросила, мол, неужто можешь видеть в потьме?

Годоня поворачивалась медленно, а взглянула из-под выступавшего горба – лицо испуганное и злое. Сказала через миг:

– Да ведь и вы, боярыня, в свечах не нуждаетесь.

Она выжидала, что Малфутка ответит, но та молчала. Она обычно и не приглядывалась к этой старушенции, как и не думала о ней особо, а та, похоже, все примечала. И сейчас они точно договор заключали: молчать обо всем.

На следующий день в тереме было шумно: уезжали и приезжали всадники, где-то голосили бабы, воины собирались в группы, толковали приглушенно, и все их разговоры были о предстоявшем походе на древлян.

Малфутка слышала те речи, как и услышала, как кто-то сказал сердито при ее появлении: древлянка. Будто ругательство какое. А встретившийся ей теремной тиун²⁹ едва ли не под ноги плюнул.

– Все беды от этого проклятого племени!

Она старалась держаться спокойно. Наблюдала, как бабы выбивают перины на галерейках, как метут двор метельщики, от поварни вкусно пахло свежей выпечкой. Все вроде как обычно, да только все вокруг хмурые и тревожные. И опять отовсюду, как эхо, звучит – древлянка проклятая.

Спустившись к овину Малфутка стала наблюдать, как работники перекрывали по ее совету кровлю. Но смотрела не столько на них (приелись уже до оскомины мрачные взгляды челяди), сколько в переплетение балок, где неожиданно увидела маленькое лохматое существо с телячьей мордой. Сидит себе овинник, болтает коротенькими ножками. И как его другие не замечают? И еще создалось впечатление, что овинник довольным выглядит, даже скалит зубки, словно улыбается боярыне. Рад, что крышу успели починить. А то вон какие тяжелые тучи плывут по небу, наверное, опять скоро польет. И день такой хмурый, холодный, ветреный, никак не скажешь, что месяц травень³⁰ уже на подходе. Еще ночь да вторая минет – и праздник Живы³¹ настанет.

После полудня и впрямь небеса разверзлись, пошел ливень, заслонивший все плотной стеной, принесший сырость и холод. И уже не прекращался до вечера, шумел однотонно и громко, как река. Люди судачили, что поля заливают, что вышедший из берегов после таяния снегов Днепр никак не схлынет. Однако больше разговаривали о том, что последует за гибелью князя, о том, что скоро будет большой военный поход, как бывало прежде, когда древляне выходили из-под власти Руси да замыслили против полян недоброе.

Само собой о таком с боярыней древлянкой никто не разговаривал. Она, как и ранее, одиноко сидела у себя в светелке, гладила котенка Морока да слушала шум дождя по кровлям теремных строений. О Свенельде думала. Как-то теперь промеж них все будет? Гнать он ее не велел, однако вряд ли теперь их семейная жизнь заладится. Пока она не услышала от него, что он из-за чародейской воды зачать дите не может, она ведь так счастлива была! Да и что ей было до нелюбви дворни, до придирок Липихи, если ее Свенельд с ней был. А теперь... Теперь за все добро и ласку Свенельда она может подарить ему приبلудного ребенка. Заслуживает ли это муж ее?

В какой-то миг Малфутка вдруг поняла, что не желает это дитя. Обычно бабы богов благодарят, когда новую жизнь в себе ощущают, а ей вспомнились речи о том, как женщины сами избавляются от плода. Вот бы и она так... Ибо если она вытравит ребенка, если скажет Свенельду, что ошиблась, что не было у нее никакого дитяти – может, и сладится у них как-то?

Малфутка почти обрадовалась, что додумалась до такого. Однако как сделать подобное? Это ведь грех великий, в этом мало кто помогать решится. И Малфутка неожиданно подумала

²⁹ Тиун – управляющий работниками в поместье.

³⁰ Травень – май месяц.

³¹ Жива – богиня всего сущего, юности и здоровья, богиня плодородной силы и произрастания. Ее день отмечался 1 мая.

о Годоне. Что горбунья не так и проста, было ясно. И если сговориться с ней, если спросить совета и помощи... Вот она сейчас же поκληчет ее и прямо так и спросит, мол, где и как. Да наградить щедро пообещает.

Неожиданно Малфриду отвлек от этих мыслей какой-то шум за окном: послышались крики охранников на высоких заборах, кто-то велел открывать ворота. Малфутка распахнула ставень окошка, гадая, кто мог прибыть в такое ненастье? В потемках дождя было не видать, все вокруг казалось расплывчатым, однако сквозь мрак боярыня разглядела, как отворяют створки ворот, мечутся внизу фигурки с факелами, а потом во двор въехал одинокий всадник.

К прибывшему от крыльца поспешила Липиха, низко кланялась. Неужто Свенельд вернулся? Малфутка вглядывалась, пока не поняла – не он. И хоть приехавший был с ног до головы закутан в широкий кожаный плащ, все же и с коня соскочил не так, и росточком был пониже, и двигался иначе, чем быстрый порывистый варяг Свенельд. Малфутке стало даже неинтересно. Опять небось вестовой из Киева прибыл. Странно только, что Липиха так суетится, вон бегают под проливным дождем, верещит громко, в дом приглашает.

Но вскоре Малфутка поняла, что гость направился по крытым переходам к ее хоромине. Скинув котеночка с рук, она огладила светлое с золотым парчовым оплечьем платье, колты³² оправила вдоль лица, разгладила складки ниспадавшей из-под опущенной куницей шапочки вуали. Пока Свенельд о разрыве ей ничего не говорил, она все еще его боярыня, вот и должна встретить прибывшего, как полагается жене богатого воеводы-боярина да еще и посадника целого племени.

Голоса уже раздавались совсем близко, в покой вбежали ее прислужницы-старушки, зажгли спешно свечи, оправили покрывала на скамьях. Горбунья Годоня еще разравнивала тканый коврик у порога, когда в проеме возникла Липиха, грубо оттолкнула. А сама склонилась почтительно, пропуская прибывшего.

Малфутка сперва только и видела, что кожаный плащ, с которого потоками стекала вода, большой капюшон был надвинут, затеняя лицо, так что видны были только губы. Яркие губы, красивые, похожие на спелую сочную вишню. Под губами видна мягкая ямочка, а сам подбородок округлый, белый, никогда не знавший бритвы. Итак, ночной гость – женщина.

И тут прибывшая резко откинула большой капюшон. Голова ее была непокрыта, зачесанные назад русые волосы чуть растрепались на висках, чело обвивает тонкий золотой обруч, и в тон ему мерцают округлые сережки в ушах. А лицо... Сильное лицо, волевое, строгое. Красивое. И глаза такие пристальные, светло-серые. Казались бы ясными, если бы не горели таким огнем внутреннего чувства.

Малфутка и раньше видела в Киеве княгиню Ольгу, считала ее видной и привлекательной, оттого так болезненно переносила все те слухи, что ее Свенельд равнодушен к княгине. Да и сам он не сильно таился от жены, голос его всегда теплел, когда о княгине заговаривал. Пожалуй, с их первых встреч Малфутка об этом знала, волновалась всегда, когда Свенельд оставался в Киеве. Одно успокаивало: Ольга была всегда на виду, она мужняя жена, самого Игоря суложь... Была. Теперь же горькая вдовица. И вот она прибыла к Малфутке. Ночью. И смотрит так...

Малфутка невольно ощутила раздражение. И даже не поклонившись княгине-сопернице, сказала спокойно:

– Здрава будь, княгиня, Ольга пресветлая.

От звука ее голоса застывшая на пороге Ольга будто очнулась. Резко оглянулась на столпившихся сзади челядинцев, на угодливо улыбающуюся Липиху.

– А ну вон пошли все. Чтоб духу вашего тут не было!

³² Колты – драгоценные украшения в виде подвесок, крепились к головному убору и спускались до уровня груди.

Захлопнула дверь, и еще не стих топот челяди по ступеням, как она кинулась через горницу к Малфутке, упала на колени у ее ног, схватила за руки.

– Помоги!.. Я ведь знаю, что ты можешь! Ты могущественная колдунья и я молю тебя: помоги!..

Сказать, что Малфутка была поражена, – ничего не сказать. Она стала торопливо поднимать Ольгу, успокаивать, но та все цеплялась за нее, дрожала мелкой дрожью, умоляла:

– Мне и волхвы о тебе сказывали, и Асмунд говорил, даже боярин мой Свенельд признался, что ты могущественная древлянская чародейка. Такая, которая все может. Говорят, никто с тобой на Руси не сравнится. Вот и помоги, развежь беду неминуемую.

Оказалось, что все ее прежнее спокойствие было лишь заслоном для бушевавших в княгине чувств – страха и отчаяния. Теперь же она словно не выдержала, уронила этот заслон, и все ее горести и беды так и хлынули потоком, лишив воли и силы саму Ольгу, напугав и обескуражив Малфутку. Она стала вырываться из обхвативших ее рук княгини, пятилась. А та волочилась за ней по полу на коленях и все твердила, чтобы помогла ей, ибо такие силы идут на Русь, что мало кто помочь может, что тут нужно небывалое чародейство, а человека, способного на такое, подле Ольги как раз и нет. Вот только сказывали ей... и все на Малфутку ссылались. Малфридой называли.

– Малфридой? – переспросила Малфутка.

Это варяжское имя некогда придумал для древлянки Свенельд, только он так порой мог назвать ее. И этим же именем она назвалась, когда встретилась с древлянскими волхвами в глухой чаще³³. Но сейчас, когда это имя прозвучало из уст чужой ей княгини, оно вызвало в душе Малфутки такое смятение, что и передать нельзя. На нее вдруг так и повеяло каким-то забытым далеким временем, какой-то прошлой, утраченной жизнью. И появилась уверенность, что Ольга поможет ей открыть то, что затерялось в минувшем, чего она, как ни силится, вспомнить не может...

– Встань, княгиня! Негоже тебе вот так... передо мной. Встань, говорю!

От ее резкого голоса Ольга будто очнулась. Медленно поднялась, смотрела потерянно.

– Ты отказываешь мне? Мне!

И нахмурила соболиные брови.

– Мне не смеют отказывать!

– А я тебе еще ничего и не ответила.

Малфутка отошла, села на ларь под растянутой на стене пушистой шкурой и указала на место подле себя.

– Рассказывай, что привело ко мне.

Ольга медленно опустилась рядом. Тяжело скинула свой мокрый плащ, весь забрызганный грязью, да и платье под ним хоть и лучилось парчой, но тоже было грязью измазано, сапожки расписные в комьях глины. Видно, неслась, себя не помня, княгиня до самых Дорогожичей по размокшей под дождем дороге.

– Ну, что поведать мне хотела? – вновь спросила Малфутка.

– А ты будто не знаешь? Убили, казнили древляне князя нашего. Нашего... Ведь и твой он. Или забыла уже, как вы с ним любились?

Малфутка несколько раз моргнула. Взглянула на шрам на ладони. Она помнила князя там, в Киеве, когда он хватал ее за руки и кричал на нее. А выходит... Выходит, в их далеком прошлом было нечто такое, из-за чего Ольга ставит их имена рядом. И даже вдруг подумалось: а не от князя ли киевского она дитя под сердцем носит?..

³³ Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Нет. Она помнила, что Свенельд нашел ее у древлян на исходе месяца просинца³⁴, и с тех пор она ни с кем более не бывала, не любила. Игорь же все это время был в иных землях. Так что зря на нее Ольга напраслину возводит. Однако... Однако отчего так волнуется ее сердце при мысли об Игоре? Отчего лишь единожды виденный ею князь снится ей порою?

– Не знаю, что и ответить тебе, княгиня, – отозвалась Малфутка задумчиво.

Та лишь махнула рукой.

– Не хочешь – не отвечай. Все равно я уже давно выжила, что ты и есть та чародейка Малфрида, от которой мой муж голову терял, забывал с тобой все, меня забывал... Ну да нет больше Игоря, казнили его древляне люто. Знаешь как? Деревьями разорвали. И осиротели мы теперь... вся Русь осиротела.

Она говорила вроде как спокойно, но глаза медленно наполнились слезами, тяжелые капли потекли по гладким щекам. Гладким, как у отроковицы юной, а ведь годочков Ольге было немало. Вон как ее не единожды принятая живая вода в красе держит. Да и душа у княгини не состарилась, если так убиваться может, если мудрость многолетняя не убавила в ней страстей. Если слезы сами собой льются при упоминании о погибшем муже...

– Как теперь буду без Игоря – не ведаю. Ты-то со Свенельдом сошлась...

– А ты? – все же осмелилась спросить Малфутка.

Ольга как будто удивилась, глянула на боярыню, потом пожала плечами.

– А, Свенельд... Люди разное о нас с ним болтают, ну да люди глупы. Для меня же не было никого важнее и милее мужа моего Игоря, и за него готова я мстить люто.

В ее голосе зазвучал металл, глаза вмиг высохли, стали ледяными. И вдруг схватилась за горло, зажмурилась, зашаталась, словно держала на плечах ношу непомерную. И опять к Малфутке:

– Помоги! Земля у меня из-под ног уходит, сама Русь шатается, и без твоей помощи мне не обойтись. Не одолею древлян, если не поможешь. Понимаю, что твое они племя, да только Свенельд рассказывал, что не сладко тебе с ними пришлось, что чуть не сгубили тебя.

И опять Малфутка ничего не понимала. Но отчего-то было ощущение, что не лжет Ольга. Помнила еще: когда уезжала со Свенельдом в Киев, соплеменники глядели на нее со злобой и отвращением, за обереги хватались, плевали ей вслед. Она тогда вся в радости обретенной любви была, ни на что внимания не обращала, списывая ненависть древлян на простую зависть, что полюбил ее сам посадник из Киева, что с врагом племени она сошлась. А ведь похоже, расспросить лучше бы следовало. Того же Свенельда расспросить. Она и пыталась, но он все отшучивался, принимался целовать ее, и она враз все забывала, растворяясь в жажде его любви. Даже поверила, что полюбит ее Свенельд сильнее своей почитаемой княгини. Но все одно ревновала тайком. А Ольге, похоже, до Свенельда и дела нет, вон все об Игоре толкует да чего-то требует от Малфутки.

– Ради Игоря прошу тебя, древлянка! И пусть люди говорят, что ведьмы и любить по-настоящему не могут, но если хоть что-то ты чувствовала к мужу моему, прошу – не оставь, помоги расплатиться за гибель его лютую!..

Вот так, то плакала и просила, то вдруг, видя недоумение Малфутки, злиться начинала, почти угрожать. И вдруг заговорила об ином, о делах государственных, стала рассказывать древлянке то, о чем только на Думе боярской говорят. Сказала, что древляне хитро и коварно поступили, погубив Игоря именно сейчас. Некогда собранные князем ратники по домам своим разбрелись, люди утомлены после похода на Византию, их непросто будет собрать в новое воинство. Наследник же Игоря, Святослав княжич, еще мал, четырех лет он всего от роду. И при таком князе-мальце она, баба-правительница. Пока Игорь был в силе, с властью Ольги считались, ибо она за мужем была, его воинская мощь ее поддерживала. А теперь, когда не стало

³⁴ Просинец – январь.

мужа-защитника, кто под рукой женщины оказаться захочет? Тот же воевода Свенельд рати имеет немалые, богат да прославлен. Захоти он – и вече его на княжество выкрикнет.

Малфутка была испугана ее речами горячечными. А Ольга была как в забытии, и просто обрушила на Малфутку целый перечень имен незнакомых ей людей, какие теперь, когда не стало сильного князя, могут и себя на великорусский престол выставить. Какой-то богатый Гиля Смоленский или Тудор Черниговский, у которого воевода Претич хоть и молод, но уже не менее прославлен, чем сам Свенельд. Назвала и рвущегося к власти Володислава Псковского, который перво-наперво захочет отделить от Руси северные земли. Да еще найдутся и такие, кто Глеба Новгородского, старшего сына Ольги и Игоря, захотят на княжение кликнуть. Но Глеб – он христианин, к тому же хил здоровьем и покорен всякому, вот при нем-то боярская вольница и растащит Русь, какую Олег с Игорем так кропотливо и жестоко собирали в единую силу.

– Но пока-то Русь сильна, – не выдержав, перебила ее Малфутка. – Разве ты не сможешь собрать войска со всех подвластных Киеву земель ради такого великого дела, как кровная месть? Отомстить за убитого предводителя дело их чести! А там... Можешь и руку свою обещать победителю, а можешь и просто время тянуть да срамливать их между собой, пока вновь в силу не войдешь.

Ольга смотрела на Малфутку, широко открыв глаза.

– А ведь ты... Видят боги, ты не глупа, дикарка лесная. Недаром муж мой во всем тебя слушался. Да и не зря ты сумела удержать подле себя такого сокола, как Свенельд Древлянский.

Свенельд Древлянский... Посадник, который хорошо знал дикие земли ее племени.

– Вот пусть Свенельд и поведет рать на древлян, его это дело, – спокойно произнесла Малфутка, сама дивясь тому, как легко отправляет любимого мужа в поход. А что ей еще остается? Не будет делами занят Свенельд, с ней захочет разобраться. Ему-то вряд ли любо, чтобы она оставалась его супругой... беременная невесть от кого, принесшая в его род приبلудное чужое дитя. Поход же его от этих соображений отвлечет.

Ольга какое-то время молчала. К ней на колени неожиданно забрался Морок, и княгиня машинально стала гладить его по черной пушистой шерстке. Малфутке это понравилось. И вообще странно, но она сейчас жалела эту женщину... соперницу свою.

– Гонец передал, что древляне послов ко мне высылают, сватать за своего князя Мала.

Вот это новость! Малфутка так опешила, что и слова не могла вымолвить в первый миг. Неужто Мал Древлянский совсем сдурел, раз рассчитывает высватать жену убитого им князя? Но, с другой стороны, у славян имелся обычай, согласно которому победитель брал к себе жену поверженного врага, да со всем ее добром. А приданое Ольги – Полянская земля. Если не вся Русь. Однако обычай этот столь древний, что только у смердов да в диких селениях еще и выполняется. Никак не в градах на Руси.

Подумав немного, Малфутка молвила:

– Я знаю Мала Древлянского. Он древнего хорошего рода, в нем кровь прежних наших князей. И все же скажу: не чета он тебе.

Ольга скривила в горькой усмешке яркие губы.

– Но сам Мал в себе уверен. Его слово такое: пойду за него – быть миру в наших землях, да и древляне в Руси останутся. Это разумно. А неразумно иное: никто из удельных князей главенство древлянина не потерпит, ибо не древляне Русь во единую силу собрали.

Казалось, что заботы о Руси ей были важнее всего. Одно слово – княгиня. Отчего же тогда так испугана, отчего прибежала к ней, к жене своего воеводы, и помощи у нее просит? И чародейкой называет...

Малфутка ощутила, что избегает говорить с Ольгой о чародействе. И даже перевела дыхание, когда княгиня продолжила о другом: дескать, скоро придут гонцы от Мала Древлянского и ей предстоит ответ перед ними держать.

– И что ответишь им?

– Не знаю, – вздохнула Ольга. – Воевод своих к ним выставлю, пусть решают.

– Да на палю послов этих!.. На колья острые посадить вели!

Ольга молчала какое-то время, только рука ее все так же продолжала ласкать свернувшегося на ее коленях Морока.

– Ты что же думаешь, мне такое приказать не хочется? Да я бы... Огнем и мечом прошлась бы по непокорному племени древлян... если бы могла. Однако... – она вздохнула горько и глубоко: – Весть дурную я получила, боярыня. Ужасную весть. Оставленный в живых дружинник Игоря передал мне еще кое-что от них. Ведь не просто так они осмелились князя киевского казнить. Жертвой его сделали. И принесли они эту жертву не подателям света, богам нашим, а стали почитать смерть. Морене и Чернобогу жестокому отдали моего Игоря!.. Так что теперь за ними сила темных сил. Оттого и не опасаются ничего, оттого и настолько дерзки стали... Теперь и представить страшно, на что они могут решиться. Или не ведаешь, что темная сила всегда скорее на зов откликнется, чем светлая, всегда возрадуется и восстанет, когда люди ее почитать начнут!

Малфутка медленно поднялась, глаза ее были огромными, испуганными.

– О небо, да на что же это они решились, кто надоумил такое злодейство совершить? Темные боги... Они ведь никого не жалеют, ни своих, ни чужих... И никому особо не покровительствуют, а все больше жертв просят. А волхвы древлянские... Народ бы свой пожалели. Ибо теперь...

Она боялась произнести это вслух. Понимала, что теперь в древлянских лесах начнется происходить страшное. Светлые боги отступили, не будут нести урожай, не будут посылать детей матерям, а темные станут взамен поднимать тех, кто уже умер. Мор и болезни отнимут жизнь у людей, но не уложат в сырую землю, а пустят бродить кромешниками³⁵. Смена зимы и лета прекратится, все живое будет гибнуть, только морок и наваждения расселятся там, где раньше жили люди. Опустеют древлянские селения, зарастут бурьяном тропы, а там, где раньше торги шумели, только духи лесные будут справлять свои праздники. И если кто из древлян уцелеет... Останутся ли они людьми?

Ольга внимательно смотрела на взволнованно поднимающуюся древлянку, видела, как та побледнела, как застыло в страхе ее лицо.

– Ну что, возьмешься ли помочь мне своим чародейством?

Малфутка нервно облизнула внезапно пересохшие губы.

– Меня некогда волхвы в чащах обучали всякому. Потом же... Потом Свенельд меня увез. А больше я ничего не помню. Спрашивала было у мужа, но он не отвечает. И я не ведаю, отчего меня считают колдуньей. Хотя ваши же поляне и так уверяют, что любая древлянка ведьма. Но, клянусь тебе, я ничего не могу. Нет у меня чар колдовских!

Она развела руками, испытывая беспомощность, хотя где-то в глубине души у нее осталось ощущение недосказанности. Но не говорить же княгине о своих странных снах и обрывочных воспоминаниях?

Княгиня уловила колебания Малфутки. Взгляд ее стал острым, в лице появилось что-то жесткое.

– Мне люди, которым доверяю, о тебе иное говорили, – произнесла, сбрасывая с колен котенка Морока. – И Асмунд, и Свенельд твой, и черниговский воевода Претич рассказывали, что ты одним взмахом руки валила людей, что ураган снопы, что молнии из пальцев выпускала и слыла у древлян могущественной чародейкой. И что сила в тебе имеется немалая. Отчего же теперь таишься? Опасаешься недоверия к чародейкам людей? Толпы боишься, если так затаи-

³⁵ Кромешники – не умершие и не живые, неупокоенные мертвецы, которых и смерть не забирает за кромку белого света, и жизнь не признает, привидения.

лась? Ну так поможешь мне, я тебя от всех обороню, властью наделю, защищать стану. Помогите мне только! Ведь против чародейства древлянского темного мои люди не сдюжат. Тут другая сила ведовства и чар потребуется.

Малфутка видела, как нетерпеливо и гневно полыхают глаза Ольги, но не знала, что ответить. Наконец вымолвила негромко:

– А вот Свенельд сказывал, что люди сильнее нечисти. И могут совладать с любыми чарами, если не убоятся...

– Значит, не хочешь помочь! – перебила, выдохнув с ненавистью Ольга. – Ну что ж. Значит, и не любила ты Игоря, если не желаешь отомстить за него.

– Да не могу я! – почти взмолилась Малфутка.

Но Ольга уже отвернулась, резко забросила на плечи широкий плащ, пошла к двери. Но у порога остановилась, как будто что-то обдумывая. И сказала, не поворачиваясь:

– У тебя еще есть время на размышление, древлянка. Но я одно скажу: если поможешь, я сообщу, где твоя дочка Малуша. В том мое княжеское слово, а оно крепче булата каленого.

И вышла, захлопнув тяжелую дверь перед лицом кинувшейся за ней Малфутки.

Глава 3

Малуша... Так некогда Малфутка нарекла свою дочь, рожденную по большой любви от варяга Свенельда.

Она родила ее, когда жила в обучении у кудесников-волхвов древлянских, когда стала изгоем у людей, а служители лесные взялись ее обучать, сказав, что она многое может постичь, если отринует обычную жизнь.

И у нее получалось. Она запоминала сложные заклятия и заговоры, начала творить чары. Как ей это нравилось! Как она хотела стать чародейкой! Однако волхвы поставили одно условие: когда она родит, то должна отдать им свое дитя. Малфутка согласилась. Ей тогда так хотелось, чтобы сплетаемые ею слова и звуки стали однажды подлинным волшебством дивным. Да и не сделают ее ребенку зла волхвы – ей это сам верховный кудесник Никлот пообещал.

И она передала им свою дочь, нареченную Малушей...

Это было давно, словно в какой-то иной жизни. А может, и впрямь в иной? Малфутка многого из прежней жизни не могла вспомнить, а вот о маленькой дочке теперь вспоминала часто. Найти бы ее, принести Свенельду как бесценный дар их странной, возвращенной среди походов по чародейским лесам и болотам любви! Уж ее-то Свенельд не смог бы назвать приبلудной, ей бы он обрадовался. А Малфутка могла бы надеяться на прощение... Как хотелось погасить это постоянно живущее в душе беспокойство о маленькой, невесте куда сгинувшей Малуше.

И вот Ольга сказала, что знает, где ее доченька. Сказала так, что Малфутка сразу ей поверила. Даже не успев особо поразмыслить, откуда княгине известно про их со Свенельдом ребенка.

После ухода княгини Малфутка долго металась по пустой опочивальне, все не находила себе места. И вдруг поняла, что не только приезд Ольги так взволновал ее. С ней самой будто что-то творилось. Она чувствовала, что ее переполняет некая странная сила, ей хотелось скакать, кружиться, кричать во весь голос. Малфутка закусила косу, стараясь сдержать рвущийся крик. Не отчаяния, не боли, а какого-то бездумного непонятного торжества.

И тогда откуда-то издали долетел грохот. Гроза! Первая в этом году весенняя гроза! Перун Громовержец катил по небу на темном облаке, раскидывал огненные яркие молнии.

Малфутка, как хмельная, подошла к окну, резко распахнула ставень. Ее обдало потоками дождя – и это было так славно! Она смотрела во мрак, ее глаза расширились, она замечала все: мокрые кровли строений, лужи во дворе, бревенчатые вышки участоколов. Казалось, она видит сквозь ночь и дождь отдаленные холмы Дорогожичей с избами и бревенчатыми тынами, видит даже клонившиеся под ветром верхушки дальних рощ, залитые водой луга.

Быстрой вспышкой ослепительно мелькнула молния. И тотчас же прогремел оглушающий раскат грома, теперь совсем близкий, мощный. Малфутка не испугалась, ей было радостно... до удивления радостно, раньше она за собой такого не помнила. Она улыбалась грозе, она почти подпрыгивала на месте, приплясывала и самой себе казалась такой легкой, такой сильной...

Когда гроза стала удаляться, Малфутка была вся мокрая, шапочка куда-то делась, волосы взбились пышными непокорными кудрями, стучало оглушительно сердце. Гроза уходила, и Малфутка начала ощущать некое успокоение. Но не усталость: это было сытое, покойное чувство, умиротворение и уверенность... Уверенность в чем?

Она не удивилась, когда, оглянувшись, увидела позади себя ставший уже знакомым призраком.

– Что явилась? Ну что тебе надо от меня?

Ее кот шипел привычно, но Малфутка не боялась. Сама шагнула к призраку, и странная беловолосая женщина поплыла к ней навстречу, протянула руки, которые на глазах стали стареть, набухать венами. Лицо искажалось, но она, словно через силу, продолжала приближаться. И Малфутка сама протянула к ней руки, казалось, еще миг, и она коснется этих скручивающихся пальцев со сползающей кожей. И вдруг, когда блазень почти проходил сквозь нее, древлянка разобрала мольбу:

– Отомсти за меня... дай покой...

Малфутка закашлялась, точно глотнув трупного смрада. А как глянула... Опять видела прозрачную красавицу, исчезавшую в кладке стены.

– Да кому отомстить-то?

Никакого ответа. Блазень исчез. Как ни странно, это разозлило Малфутку. Она пошла сама не ведая куда. Мелькнула лестница, куда-то проскочил тенью домовой. Так отчетливо Малфутка его еще никогда не видела. А он угодливо склонился, открыл перед ней дубовую дверь, пропуская. Она прошла, двинулась сперва по галерее, окружавшей терем, потом под дождем во мраке пересекла широкий двор, шлепая тонкими расшитыми башмачками по лужам двора. Заметила кутиху³⁶, забившуюся под лестницу, хозяйин дворовой вел ее, указывая путь, как будто она ему повелела. Малфутка с любопытством рассматривала его большие перепончатые уши, длинную бороду, метлу на плече. Дворовой все оглядывался, будто ждал наказа, но она не знала, не ведала, как с ним заговорить... А ведь было странное ощущение, что раньше она знала, как с подобными созданиями общаться. Сейчас же сказала просто, человечески:

– На волю хочу. Выпусти!

Он сделал знак, но потом поднял маленькую трехпалую лапку, будто упреждая о чем. Боярыня поняла: впереди у ворот горел фонарь – масляный огонек в подвешенной под навесом клетке. В его свете можно было видеть под дощатым навесом охранников, кутались от непогоды в накидки, переговаривались.

Малфутка и дворовой понимали, что так просто мимо них не пройти, и тогда на помощь явилась Дрема. Древлянка и раньше ощущала ее присутствие, а теперь разглядела: серая унылая старуха в широкой стелющейся за ней накидке, полупрозрачная и тихая. Она мелькнула тенью – и стражи сразу позасыпали, уронили головы в клепаных шлемах, почти повиснув на древках копий, один даже на землю лег, руки сложил под щеку, улыбался во сне. Малфутка легко переступила через него, и, когда послушный дворовой уцепился за тяжеленный брус засова, когда откинул его с неожиданной в его тщедушном теле силой, она вышла за распахнутую створку ворот.

Больше она ничего не помнила.

Пришла в себя от ощущения некоего неудобства: что-то твердое давило в щеку. Малфутка подняла голову, просыпаясь, и увидела, что лежит в какой-то роще на поваленной трухлявой коряге, и в щеку ей давит обломанный сучок.

Она села, не понимая, как тут оказалась. Было сыро – в воздухе висела мелкая морось, низко над верхушками деревьев плыли серые тучи. Платье на Малфутке было все забрызгано грязью, башмачки насквозь мокрые, но отчего-то она не зябла. Растрепанная, грязная, но какая-то спокойная.

Поднявшись, она пошла, сама не ведая куда. Стала понемногу соображать, увидела, что давно рассвело, и она все в тех же Дорогожичах: вон вышки частоколов на холмах виднеются, внизу петляет раскисшая дорога, видны избы с темными после дождя соломенными крышами.

³⁶ Кутиха – дворовой дух, живущий в закутах, собой похож на маленькую старушку.

Первыми ее заметили бабы у колодца: смотрели на простоволосую растрепанную боярыню в измызганном светлом платье, дивились ее отсутствующему взгляду. Она прошла мимо, будто и не заметив их. Но бабы засуетились, послали самую молодую сообщить о боярыне, которую с самого утра челядь разыскивает. Вот ее скоро и нагнал один из дворовых прислужников на пегой кобылке, стал уговаривать вернуться с ним в терем. Упредил, что ключница Липиха уж больно лютует из-за ее пропажи, обещает Свенельду на жену его пожаловаться.

Малфутка с трудом понимала, о чем речь. Но имя любимого мужа заставило ее очнуться. Послушно забралась на лошадь, сидела, будто подремывая, пока прислужник вел под уздцы кобылку вверх по склону.

– Вы часом не захворали, боярыня? Вся ведь вымокла до ниточки, а жаром от вас так и пышет.

Она молчала, сама не понимая, что с ней приключилось. Да и не приснилось ли ей все это? Домовой, кутиха, дворовой с перепончатыми ушами...

Дворня с интересом смотрела на нее, она слышала их речи:

– Чего это с древлянкой?

– Батюшки, а вымазалась-то как! По земле, что ли, каталась?

Малфутке же было смешно. Опустила голову, скрывая за рассыпавшимися кудрями улыбку, даже не глянула, кто накинул на нее теплую шаль, повел заботливо.

В ее горнице бабка Годоня приказала кому-то принести лохань с теплой водой, вымыла боярыню, вытерла насухо, одела в чистую полотняную рубаху. А сама все поглядывала на нее пытливо и внимательно. Вроде как обычное бабье любопытство, но Малфутка заметила, что в маленьких глазах горбуны таится некая довольная хитринка. Да и вообще Годоня выглядела как-то необычно: шустро бегала, суежилась, едва не подпрыгивала от усердия. Ничто не напоминало о ее старческой слабости, казалось, силы так и рвутся наружу.

– Это все от грозы, сами небось понимаете то, – как будто угадав ее мысли, произнесла старуха.

У Малфутки опять появилось ощущение, что они с этой горбатой приживалкой имеют какие-то общие тайны, что-то связывающее их.

Когда принесли еду, Малфутка внезапно ощутила, до чего голодна. Залпом выпила крынку жирного, еще теплого молока, рвала руками зажаренную на вертеле курицу, вареники с творогом щедро полила сметаной. Почти управилась с миской, когда на лестнице раздались тяжелые шаги, послышался визгливый голос Липихи.

Ключница вошла важно, на толстом лице потаенный гнев. Но в кои-то веки Малфутка не сжалась при ее появлении. Спокойно смотрела на подбоченившуюся в проеме двери ключницу, облизывая остатки сметаны с ложки.

– С чем явилась ко мне?

У той даже задрожали толстые щеки, лицо побагровело.

– Она еще спрашивает!.. Шлялась всю ночь, как волочайка³⁷, пришла такая, словно в кустах ее изваляли... И еще ответа требует! А мне сдается, что навел кто порчу на нашего боярина, раз он такую, как ты, недостойную, в супружницы взял! Его прежняя боярыня была пава павой, а эта... И как ты себя с княгиней повела, что та умчалась в ночь, будто изгнали? Другая бы в ножки пресветлой княгине падала, только бы удержать да гостеприимство оказать. А эта даже не кликнула назад с порога. Вот пожалуюсь на тебя, бесстыдницу, Свенельду, расскажу все – уж он-то тебя вожжами отстегает!

Ключница никак не могла остановиться в своем гневе, говорила еще и еще, не смущаясь ни толпившихся сзади слуг, ни того, что честит при них боярыню.

³⁷ Волочайка – шлюха, бродяжка.

Малфутка же оставалась спокойной, на ключницу и не глядела, а взяла на колени котенка Морока и играла с ним. Но вот она подняла на Липиху свои огромные черные глаза, – взгляд такой, что и камень прожжет. И та даже опешила, умолкла.

– Что, выдохлась? – спросила с усмешкой боярыня. – А теперь я спрошу: кого погубили в этой хоромине? Чья невинная душа мается тут, не находя успокоения? Женщины душа. Видом она ядреная и пригожая, росточком меня пониже будет, а волосы светлые, как чесаный лен. И стареет она прямо на глазах, умирает мгновенно. И как погляжу, ты уразумела, о ком спрашиваю?

Трудно было не заметить, как изменилось, побледнело только что полыхавшее жаром лицо ключницы. Глаза расширились от страха, отвисла челюсть, затрясся тяжелый двойной подбородок. Теперь Липиха смотрела на Малфутку с ужасом, потом озираться быстро начала.

– Вот-вот, правильно смотришь, – усмехнулась древлянка. – Вон же она за тобой появляется, тянется к тебе.

Ничего такого не было, боярыня просто хотела пошутить над зловредной бабой, но та шарахнулась в сторону, завертелась вьюном, замахала руками, будто отгоняя кого.

Это смотрелось почти смешно, и Малфрида решила прибавить жару: выкрикнула, что сейчас блазень вцепится в Липиху, утащит. И та вдруг заорала не своим голосом, кинулась, как каженица³⁸, прочь. Голосила, просила кого-то отпустить ее. Или впрямь ее блазень схватил? Но ведь не было же никакого блазня? Однако, видать, Липихе и впрямь было кого бояться.

Малфутка не сдержала смеха. Слышала, как Липиха с криками носится по дому, верещит. Вон по лесенке как ее чеботы³⁹ застучали.

– Хоть бы ты шею себе на сходнях свернула, постылая! – процедила Малфутка сквозь зубы с непонятной для самой себя злостью.

И вдруг и впрямь что-то случилось. Крики Липихи резко оборвались, послышался грохот, потом настала неожиданная тишина. А через миг прозвучал чей-то пронзительный испуганный визг, поднялся гомон взволнованных голосов.

Малфутка выскочила из горницы и на переходе наружной галерейки увидела внизу под сходнями распростертое тело Липихи со странно вывернутой головой и застывшим лицом, с которого еще не сошло испуганное выражение.

– Убилась! – вопила какая-то баба. – Хозяюшка наша упала, убилась! Шею свернула, скособочила!

Со всех сторон сбегалась дворня. Малфутка сама не заметила, как спустилась во двор, склонилась к телу мертвой. Мертвее не бывает, когда голова почти назад отвернута. И как это она так угораздилось, ступени-то на сходнях ровные да широкие, перила удобные. Или и впрямь столкнул кто-то невидимый?

Малфутка подняла голову, увидела устремленные со всех сторон взгляды – испуганные, суровые, злые. Она медленно выпрямилась, оглядела всех.

– Кто был подле нее? Кто видел?

Таких оказалось немало. И хоть все видели, что сама Липиха сорвалась с лестницы, однако ведь никогда ранее не бывало, чтобы важная ключница каженицей бесноватой носилась. А тут выскочила от боярыни сама не своя, будто гнал кто.

«Нечего им давать опомниться», – решила Малфутка, чувствуя на себе подозрительные взгляды. Спокойно приказала поднять и отнести в терем тело ключницы, да начинать готовиться к погребению.

– Надо бы еще к Свенельду послать гонца, – подсказал кто-то.

Всхлипывавшая рядом баба молвила:

³⁸ Каженица – безумная, буйно помешанная.

³⁹ Чеботы – невысокие в голенище сапожки.

– Она ведь выкормила его своей грудью, мамкой его была. Всегда он ее любил, почитал. Почему-то Малфутке не хотелось вмешивать в это Свенельда. Потому и сказала, что не таковы сейчас дела в Киеве, чтобы ее муж все кинул ради мамки старой. Ничего, завтра его покличут, когда хоронить время придет.

Она сказала это она так повелительно и твердо, что люди посмотрели на нее с удивлением, не узнавая в этой властной, сильной женщине свою обычно тихую и пугливую боярыню.

Поднявшись к себе, Малфутка позвала только одну горбатую Годоню. Та смотрела на боярыню с прежней веселой искоркой в глазах. Видела, что той тревожно, вон все ходит по покою с котом на руках.

– Ну рассказывай, – приказала Малфутка. – Вижу ведь, что ты все поняла. Теперь и мне поясни.

На сморщенном старушечьем лице Годони будто тени запрыгали – столько чувств отразилось.

– Разве ты сама всего не уразумела, боярыня? Если ты ее призрак видела, если она к тебе являлась, то можешь догадаться, что это предшественница твоя, Межаксева боярыня. А явилась она именно к тебе, ибо ты не простая баба. Ты такая же, как и я.

Малфутка не сводила с горбуны пытливого взора.

– Годоня... А ты... ведьма?

Та сперва втянула голову в плечи, отчего ее горб словно навис над ней, потом взволнованно подскочила к двери, выглянула, нет ли там кого? Малфутка услышала, как она что-то бормочет в темноту переходов, потом перевела дух и вернулась к боярыне.

– Все, я домового упредила, чтобы сообщил, если кто появится. А тебе бы понимать, матушка-боярыня, надо, услышь кто... Люди-то невесть что могут подумать да злое сотворить с такими, как мы.

Она сказала «мы» и ждала, что Малфутка ответит. Но та молчала, и Годоня стала ей рассказывать.

Что у Свенельда и до Малфутки жена была, та знала. Как и знала о двоих прижитых от Межаксевы сыновей, воспитывавшихся сейчас в тереме княгини Ольги. Но это уже после кончины прежней супружницы он их отдал, а до этого...

Плохо жил с Межаксевой боярин Свенельд, ругались они да ссорились, ладу между ними не было. И все из-за того, что Межаксева страшно ревнивой была. Свенельд ведь мужик видный, на него любая засмотрится, да и он порой любил погулять с девицами да молодками. Но пуще всего бесилась Межаксева из-за того, что Свенельда княгиня Ольга привечала. Ну уж Ольга его приманивала, или он сам к ней жался, тут еще как посмотреть. Свенельд-то при Игоре и Ольге высоко взлетел, у него и почет, и сильное войско под рукой, и власть. Это ранее он Межаксеву он за себя брал, чтобы укрепить свое положение, породнившись с ее родом норочитым⁴⁰. А она, все считала, что честь великую мужу-варягу оказала, пойдя за него. И все норовила свою власть над ним показать.

– С Липихой Межаксева тоже не ладила, – рассказывала Годоня, суча перед собой сухонькими, как птичьи лапки, ручками, будто сеть плела. – Но тем не менее какие-то свои тайны между ними имелись. Порой они запирались вместе, а чем занимались – никто не знал. Но после такого Межаксева всегда довольная и веселая была, даже с Липихой приветливо держалась. И вот однажды... Более солнцеворота⁴¹ назад это было. Вернулся как-то Свенельд из полюдья, прибыл к жене в Дорогожичи, и вроде ладно они встретились, он одарил ее богато. Но потом опять что-то промеж ними случилось, ибо вышел Свенельд от жены сердитый. Сел на коня и уже выезжал в ворота, когда боярыня вдруг выскочила, как была в одной

⁴⁰ Нарочитый – уважаемый, славный, благородный.

⁴¹ Солнцеворот – год.

рубахе, на стену усадьбы, и давай кричать, что она к самому Игорю пойдет и сообщит, что ему, как мужу знать бы следовало. Многие то слышали. А потом... И седмица не миновала, как померла вдруг боярыня. Еще днем на тройке каталась, сама правила, едва не загнав вороных, вечером с сенными девушками песни пела в девичьей, наливки хлебнула да все похвалилась, что Свенельд у нее в кулачке, как птица пойманная. А потом, слегка захмелев, поднялась к себе в опочивальню и... не вышла больше. Мертвой ее нашли поутру. А отчего померла? Никто не знал. Да вот только я видела, что вечером перед сном к ней Липиха поднималась.

– Неужто Липиха убила боярыню?

Годоня заерзала на месте, сказала, что ран на теле боярыни не было, и не отравили ее, волхвы уж гадали со всем пристрастием, ибо родня Межаксевы особо на этом настаивала. Но волхвы ничего подозрительного не обнаружили. Умерла боярыня – и все тут, сказали. Сообщили Свенельду о смерти супруги, он похоронил ее, как полагается, с почетом. А уж Липихе с тех пор еще большую власть дал. Да только пошел слухок, что душа Межаксевы неуспокоенной осталась, что появляется она порой в тереме Дорогожичей, и жутко так возникает...

– Да знаю я, – отмахнулась Малфутка, не желая слышать подробности того, что и сама не раз видела.

– И я знаю, – тихо отозвалась Годоня. – Как и поняла, что Межаксева не единожды к тебе являлась. Раньше ко мне приходила, потом к тебе повадилась. Она ведь поняла, что в тебе есть сила.

– Какая сила?

Горбунья хитро хмыкнула, опять засучила ручками-лапками.

– Да уж такая. От меня могла бы хоть не таилась. Ведь такие, как мы, всегда друг дружке помогаем.

И прищурилась хитро:

– Я вот о чем спросить хочу: готова ли ты праздновать этой ночью? Завтра Живин день настает, волхвы обряды поведут против темных сил. Но то завтра, а сегодня как раз наша ночь, колдовская, могучая! На Лысой горе все наши соберутся. Ну и ты... Как, явишься ли туда али нет?

Малфутка судорожно глотнула. Была наслышана уже, что есть под Киевом такое место особенное да недоброе, где порой невесть что творится. Люди туда и днем редко заходят, а селиться там и вовсе никто не решается. Ибо там собираются на свои сходки всякие ведьмы, колдуны и чародеи, творят всякое непотребство. И вот теперь Годоня как нечто само собой разумеющееся говорит, что Малфутке следует там быть.

– Твои же соплеменники древляне что-то наколдовали, отчего сила великая разливается везде, и, пользуясь этим, кто только ни явится нынче на Лысую гору. Говорят, сам Кощей из полуночных⁴² краев прибудет, да и жертву себе уже отметил. А это далеко не часто случается, чтобы сам хозяин подземных сокровищ к нам на полудень прилетал. Помнится, еще до вокняжения Аскольда с Диром он тут показывался, я там была, помню то чародейство великое. Времена тогда были глухие, мы много что себе в ту пору позволять могли, самого Кощея зазывали. Но с тех пор он больше не являлся. И вот нынче опять чарами мощными повеяло, да такой силы силенной, что я и не упомяну. А ведь Киев с тех пор неслыханно разросся, по Днепру начали русичи ладьи водить до самого Греческого моря⁴³, народу тут тьма расселилась, и христиане приезжают, ворожат тут своими молитвами. Но и их силу нынешнее волшебство пригнуло. Так что будет сегодня забавщина-небывальщина, наберемся мощи чародейской, сколько бы потом волхвы ни молили Перуна и Живу развеять наши чары. Ну что ты молчишь все, боярыня? Ты со мной этой ночью или как?

⁴² Полуночных – северных: полночь у славян север, соответственно полудень – юг.

⁴³ Греческое море – Черное море.

– С тобой... – как эхо отозвалась Малфутка.

Годоня довольно потеряла сухенькие ладошки, захихикала.

– Что ж, новенькую на разгулище привести всегда славно. Да и тебе будет на что там поглядеть, чему порадоваться.

И предупредив, чтобы Малфутка была готова, как стемнеет, Годоня выскочила за порог почти вприпрыжку.

Но к чему надо было быть готовой, Малфутка не могла понять. Да и в тереме люди долго гомонили, обсуждали неожиданную кончину Липихи, готовились к завтрашнему погребению. Годоня несколько раз заходила, ворчала, что как назло дворня никак не уймется, а вон уже сумерки настали, небо затянуло тучами, ветер шумит.

– Ты бы наказала Дреме уговорить людей, – попросила горбунья. – Дрема-то тебя враз послушается.

– Я не могу, не знаю как, – растерялась Малфутка.

– Или слово заветное подзабыла? – прыгала на месте в нетерпении Годоня, смотрела сердито.

А потом вдруг что-то сообразила, постучала себя по лбу костяшками пальцев. Сама же улыбнулась, растягивая старческие синеватые губы, отчего стал заметен ее единственный, похожий на клык зуб:

– Ах я недогадливая! – качала она головой в темном платочке. – Ах непутевая. Я думала, что ты, как и все наши, после такой грозы силой полна, а это ведь ребенок в тебе мешает сущность свою чародейскую почувствовать. Ну что за морока нам, ведьмам, когда в нас новая жизнь зреет! Никакое чародейство из нас не идет, лишь тлеет, как тихие уголья под пеплом. Ну уж ладно, сама я управлюсь да тебе подсоблю.

Что она делала, Малфутка не ведала, да только через время приход Дремы и впрямь ощутила. Не так ясно, как ранее, во время грозы, но все же тень унылую различила. Сама подремывать начала, да котенок разбудил, скакал возбужденно, мяукал, не давая впасть в забытие. А ведь весь остальной терем уже погрузился в тишину, даже охранники на стенах перекликаться перестали.

Вот тогда-то и пришла вновь Годоня. Принесла горшок с какой-то пряно пахнущей смесью, хихикала. Старуха была рада, но рада такой нехорошей радостью, что Малфутка не могла справиться с дрожью.

– Я помогу, помогу тебе, – скалила единственный зуб горбунья. – Давай раздевайся, обмажемся сейчас, сразу легче станешь.

Сама она уже сорвала с головы платок, трясла жалкими седыми космами. Разделась донага и стала натираться, размазывая по искаженному кривому телу темную жидкую грязь, которая, однако, тут же впитывалась, только запах сильный оставался, пронзительный и резкий, так что в глазах защипало.

Малфутка тоже разделась, натиралась, отвернувшись от Годони, то ли стесняясь наготы, то ли не желая видеть уродливое голое тело горбуньи. Но только темная жижа впиталась в ее кожу, как смущение это враз прошло. Она повеселела, почти с наслаждением растирая между грудей и по животу вязкую холодноватую мазь, вдыхала ее крепкий запах. Кожу ее стало сперва покалывать, потом она приятно потеплела, голова чуть кружилась, по спине пробежали мурашки. А сама кожа становилась гладкой и какой-то... легкой, что ли? И непонятная радость переполняла.

«Так, значит, я и впрямь ведьма? Как и она. – Малфутка с улыбкой посмотрела на пружинисто прыгавшую рядом Годоню... – Да, я ведьма Малфрида, – подумала с удовлетворением. – Они все меня так называют. Как же это славно!»

И только поняла это, – не вспомнила, а именно поняла, – то сразу торжество ощутила. Сама бы заскакала не хуже Годони.

– Что теперь делать? – спросила.

Годоня приволокла две метлы. Протянула одну древлянке, но спросила, умеет ли та летать на такой. И видя ее растерянное лицо, даже сплюнула с досады.

– Я как деву невинную соблазняю, вот уж кикимора щекочи! А ведь вижу – ты посильнее меня чародейка. Ну и что же нам теперь делать? Мое помело двоих не выдержит.

Но вскоре нашелся ответ. Годоня сказала, что после того как боярыня Малфутка повелела исполнить просьбу овинника, тот к ней особо расположен, вот и выдаст им самого сильного козла. А на козле лететь лучше, чем на помеле, только вот не так быстро.

Они обе спустились во двор. Тела их слабо светились – и горбатое искривленное Годони, и стройное, длинноногое Малфриды, с едва заметно выпирающим животом, покрытое, как накидкой, тяжелой массой кудрявых волос. Заметить их кто из челяди – вот уж подивились бы. Но Дрема в эту ночь хорошо постаралась, тихо все было в большой усадьбе воеводы Свенельда, только сверчки выводили свои долгие трели да где-то вдали протяжно кричала выпь.

Малфриде от всего происходившего хотелось смеяться, разбирало бурное веселье. Почти вприпрыжку подскочила к овину, кликнула овиного хозяина. Тот спустился из-под стрехи – лохматый, коротконогий, его маленькие красные глазки светились на телячьей широколобой морде пуще обычного. И так же засветились глаза большого черного козла, которого он им вывел, лопотал что-то негромко и хрипло, когда подсаживал ведьм на его спину.

Шерсть большого черного козла была мягкой и приятной для голых ног. Он проблеял, потом легко поднялся над землей, вылетел в проем в крыше овина и полетел сперва над двором, мимо бревенчатых сараев, потом все выше, поднялся над тесовыми и соломенными кровлями, миновал дозорную вышку у ворот с храпевшим, опершись на копье, охранником. Так близко к нему пролетели, что Малфрида ради шалости даже толкнула его в плечо голой пяткой. Стражник опрокинулся, звякнув доспехом, и еще пуще захрапел. А черный козел с красными глазами уже перелетел заборы, взмыл над склонами холма, летел, забирая в пустоте короткими ногами с раздвоенными копытцами.

– Ох любо! – захихикала Годоня, вцепившись в козлиные рога и направляя его, как иной наездник направляет удилами лошадь. – Ох и радостно!

Малфрида захохотала – громко, торжествующе, легко. Ее глаза вспыхнули желтым огнем, зрачок сузился, как у хищной птицы, черные волосы полоскались по ветру, а все существо охватил ни с чем не сравнимый восторг. Она завизжала пронзительно.

Вокруг был ночной мрак, но Малфрида все видела. Вон внизу показалась проложенная между возвышенностями широкая дорога в Дорогожичи, в стороне были видны похожие на стога сена кровли селения, а вскоре они миновали и округлые возвышенности курганов. Порой то там, то тут мелькали желтоватые огоньки в избах, поднимались сторожевые вышки, а потом слева от себя древлянка увидела тускло светящуюся ленту широкого Днепра.

– Хорошо же летим! – восклицала Годоня. Малфрида хохотала и обнимала ее. Подумать теперь было страшно, что бы она делала, не окажись эта горбунья ведьмой.

Когда они пролетали над теремами на горе Щекавице, заметили, как от подножия горы появилась еще чья-то парящая тень. Малфриде стало любопытно. Отведя рукой разметающиеся волосы, она смотрела, как к ним приближается голый пузатый мужик с всклокоченной бородой с почти стоящими дыбом волосами. Он летел на такой же толстой и широкомордой, как и сам, свинье, держался за ее уши.

– Ха, ха, кум мельник! – окликнула его Годоня. – Жив еще, ведьмак!

– А что мне сделается! – весело отозвался тот. – Людям-то надобно муку молоть, вот и склоняются передо мной, хоть и за обереги свои хватаются.

Теперь он совсем поравнялся с ведьмами на козле, было видно, как запольхали желтым светом его глазки, когда он стал разглядывать спутницу Годони.

– А это кто же с тобой?

– Я Малфрида! – гордо воскликнула та.

– Да неужто сама Малфрида! – Ведьмак даже спотыкнулся на лету. – Неужто та самая?

– Я ведь знала, что она особенная! – визжала Годоня.

Ведьмак захохотал и стал описывать вокруг них круги, то подныривал снизу, то залетал сбоку, почти терся о бедро Малфриды толстым боком, подмигивал. Она отталкивала его и смеялась.

– Да угомонись ты! Над Киевом никак пролетаем, – сказала Годоня, которую стала раздражать навязчивость мельника на свинье.

Башни и городни⁴⁴ градских строений темными громадами высились на кручах, стали видны корабли у киевских склонов, там, куда подняло их половодье разлившегося Днепра. Река широко светлела во мраке, расходилась вольно, куда ни кинь взор. Кое-где над ее поверхностью темно курчавились верхушки деревьев на залитых паводком островах. Другой берег Днепра темнел где-то вдали за разливом, уходя далеко в непроглядную темень. А прямо под ними выступали бревенчатые вышки скученных теремов на горе, показалось и светлое каменное строение под шатровой кровлей. Годоня кивнула в его сторону.

– Вон каменный терем Ольги, полюбовницы Свенельда твоего.

Малфрида вдруг ощутила укол в душе. Казалось бы, волшебная ночь не оставила места для прежних переживаний и огорчений... а выходит, оставила... И Малфрида вытянула руку к терему, будто хотела бросить что-то в него, направить заклятие, разнести, чтобы камня на камне не осталось, чтобы сгинула под руинами красавица княгиня. Однако ничего не вышло. Они полетели дальше, каменный терем Ольги исчезал позади, только кое-где светлели внизу огни на капищах града, там, где денно и ночью служители-волхвы жгли свои неугасимые священные костры.

Годоня сердито плевалась всякий раз, как они облетали капища. Сказала:

– Хорошо еще, что Днепр залил низины Подола. Там христиане свою церковь возвели, но вольный Днепр поглотил ее. Останься она, мы не могли бы так близко подлететь.

– Христиане? – повторила Малфрида и зарычала зверем: в ней пробудилась присущая всем древлянам ненависть к этим погубителям чародейства.

Они поднимались все выше, с лету ворвались в тучи, и вот облака уже простирались под ними, волнистые и бесконечные в переливах сиявшего в вышине ясного света луны. Снизу она не была видна, закрытая пеленой туч, тут же они будто попали в иной яркий неповторимый мир, когда полнолицая колдовская луна озарила поднебесье, отчего растекавшиеся облака стали похожими на белесое бесконечное море.

От подобной красоты Малфрида возликовала, вскинула руки, сцепила пальцы на затылке, удерживаясь на козле только силой ног, как умелая наездница. А может, она и была наездницей? Когда-то... После всего сегодняшнего Малфриду это не удивило бы.

– Гляди, гляди, наши летят! – визжала Годоня.

В лунном свете они были хорошо видны – темные силуэты колдунов и ведьм, чародеек и ведьмаков. Некоторые еще сохраняли людской облик, а кто-то и превратился уже невесть в кого: летела на помеле какая-то огромная жаба пупырчатая, белая коза несла на себе голого мужика с бараньей головой, развевались длинные волосы худенькой девочки, почти ребенка. В венке из полевых цветов неслась полнотелая молодница на хрюкающем борове, сама похрюкивая от восторга, сотрясающаяся всем своим грудастым литым телом.

Годоня постепенно стала направлять козла вниз, они опять нырнули в темное облако, рядом во мгле мелькнули чьи-то светящиеся глаза, оскаленная довольная рожа подмигнула

⁴⁴ Городня – мощные городские укрепления в виде бревенчатых срубов, засыпанных изнутри землей для пущей прочности.

и уплыла во мрак. И вдруг снизу стали появляться голубоватые сполохи. Летевшие рядом колдуны радостно закричали, веселясь:

– Эй, гуляй, гуляй, гуляй! Наши уже волшебные огни запалили! Разгулище началось!

Малфрида почти не заметила, когда они приземлились и оказались на открытом широком пространстве, на вершине огромного холма. Вокруг носилась и мелькала толпа странных голых существ, все в призрачном белесо-голубоватом свете от множества разложенных по кругу костров. Самый большой костер в середине, такой же непривычно голубоватый, горел почти тихо, если его гудение и треск не были заглушены собравшимися тут. И все они скакали и плясали вокруг него, ликовали, голубоватое пламя бросало отблески на их лица и морды, оскаленные и почти безумные от переполнявшей их радости, отражалось в разноцветных мерцающих глазах – красноватых, желтых, зеленых, как гнилушки на болоте в безлунную ночь.

Малфрида двинулась в сторону большого голубого костра. Она почему-то знала, что это особый огонь, который не несет колдовству вред, не развеивает его, как обычное пламя отца Сварога⁴⁵, а, вызванное чарами, только приумножает колдовскую силу. И в его призрачном ярком свете с визгом, рычанием, ревом и хохотом носились и плясали причудливые тени.

Едва Малфрида к ним приблизилась, как ее тут же увлекли в бешеный быстрый хоровод. Кто-то сжал ее запястье мокрой лапой, кто-то обнял, щекотал спину легкими коготками, кто-то быстро и пылко поцеловал – она и не успела разглядеть кто. Ибо кого тут только не было! Мускулистые ведьмаки в накинутах на головы рогатых личинах, тоненькие нагие девочки, хорошенькие как русалки, толстобрюхие лохматые бабы, сухенькие старички с длинными бородами. И все они, нагие, растрепанные и веселые, плясали, хохотали, пели, бежали в хороводе вокруг голубого пламени, на котором стоял огромный котел, а несколько старух с важным видом, словно не замечая царящего вокруг ликования, бросали в булькающую в котле жидкость пучки трав и засушенных гадюк, корешки и измельченные цветы, шептали что-то, мешали огромными половниками, готовя особое священное пойло, колдовское угощение, какое будут употреблять все присутствующие. Ибо приготовленное в эту ночь зелье таило в себе неимоверную силу, которая наполнит колдунов и ведьм чародейной мощью на предстоящий год.

В стороне играли на выточенных из человеческих костей сопилках какие-то лохматые колдуны, а огромный толстяк с лысой, как коленка, головой и мощной, как столб, шеей бил в барабан с натянутой человеческой кожей.

– Бум, бум, бум! – разносилось над колдовской Лысой горой, куда в эту ночь не осмеливался явиться ни один смертный, куда был закрыт доступ любому, кто не принадлежал к колдовской братии.

Малфрида носилась по поляне, с кем-то целовалась, с кем-то кружила и плясала. Она тут была впервые, но понимала, что тут она своя. И сама не заметила, когда присоединила свой голос к общему пению, как будто знала, как тут надо петь, что-то мурлыкала, потом подпевала странные, до сего мига незнакомые слова, шипела по-змеиному, заливалась собачьим лаем, опять пела, хохотала.

Крутившаяся рядом горбунья Годоня вдруг перекувыркнулась через голову и превратилась в статную молодницу, заплясала, припрыгивая, вокруг толстого голого мельника. Маленький белоголовый мальчонка, оскалившись пухлым клыкастым ртом, взобрался на плечи мускулистого бородатого мужика, хихикал и хлопал в ладони. Одна из ведьм, голая красавица, вся увешанная гадюками, вдруг поднялась в воздух, стала носиться над головами пляшущих, потом как будто превратилась в огромную черную птицу, закаркала по-вороны. И тут же

⁴⁵ Сварог – божество огня, покровитель людей, научивший их хозяйству, давший умения и ремесла. Сварог считался создателем солнечного мира, не признающий порождения тьмы и колдовства. Его пламя не способствовало магии, а разгоняло ее.

вприсядку перед огнем прошелся какой-то длиннородый колдун, настолько лохматый, что не поймешь сразу, то ли зверь, то ли человек, то ли лешак, забредший неведь откуда.

В толпе подзадоривали:

– Эй, жги, жги, жги! Выказывай умение всякий, кто может! Яви, кто на что горазд!

И тут же кто-то обернулся жуткой искореженной корягой, двинулся со скрипом среди хохотавших и весело расступавшихся ведьмаков и колдуний, размахивал ветками-руками, а по нему уже карабкались развеселившиеся чародеи, рыженькая худая ведьма залезла на самую верхушку, потом выпатила тощий задок и так испустила газы, что повалила едва ли не половину танцевавших. Те так и покатались по земле, хохотали, дрыгали голыми ногами.

Малфрида заходила от смеха. Она с кем-то опять плясала, обнималась, по ее голому телу шарили чьи-то щупальца, кто-то сладострастно сжимал ее грудь. Она испытывала жгучее возбуждение, потому и не противилась, когда возникший как будто из-под земли толстый мельник подхватил ее на руки, понес куда-то. Он уже не казался ей некрасивым, она урчала, целуя его в колючий от бороды рот. Но мельник, едва положил ее в сторонке, почему-то стал мешкать, принохиваться и вдруг отскочил длинным прыжком.

– Да ты никак брюхатая? Никак дитя человеческое под сердцем носишь?

– Что с того? – почти застонала Малфрида, подбираясь к нему на четвереньках, выгибаясь, как кошка, касаясь грудью травы. – Что с того?

Однако толстый мельник стал пятиться.

– Нельзя с тобой! Силу потеряю.

И, обернувшись зайцем, ускакал прочь, затерялся среди пляшущих нагих тел.

Малфрида почувствовала себя обделенной, растерянно смотрела, пока рядом не возник крошечный старичок с обвисшим животом и куцей торчащей бороденкой.

– Что, оставил тебя любовничек? Нечего беременной любиться с чародеями. Твой ребенок от простого смертного, он кого хочешь силы лишит, с тобой любиться никто из наших не захочет.

– Да не нужен мне этот ребенок! – почти прорычала Малфрида. – Избавьте от него!

– Ха! Раньше надо было о том волноваться. Сошлась бы с ведьмаком... А это... Себя только и вини, шалава!

И убежал, мелькнув тощим обвисшим задом, к другой молодежи, обнял, увлек ее в сторону от хоровода, где уже страстно спаривались колдуны, получая ту силу, какая возникает только при сближении с таким же полным чар, но никак не с тем, кто этими чарами не владеет.

Малфрида завывала по-волчьи. Что же это такое? Она была полна страсти, в ней бурлила особая чародейская мощь, но тот, кто рос в ней, такими силами не обладал и отгонял от нее любого, кто ценил полученные в эту ночь волшебные чары. Значит, ее дитя несло ей только невзгоды. Да и откуда оно взялось? Ведь даже Свенельд отказался от него, брезгливо и отчужденно...

И тут... Малфрида сперва не поверила своим глазам. Ибо стоило ей только вспомнить про своего мужа, как она неожиданно увидела его. Нагого, развеселого, пронесшегося мимо в хороводе вокруг большого костра.

Малфрида медленно встала, как будто вмиг выпав из оглушающего безумия разгульной ночи. Она не могла ошибиться, это был именно ее Свенельд. Но откуда? Как?

Она стала вглядываться. Так и есть – варяг Свенельд. Он был весел, она узнала его смех, видела, как он обнимает каких-то молодых, лапает их, целует в подрагивающие груди. Но едва потянул одну из них прочь, как ведьмочка вырвалась с визгом, причем визг был отнюдь не кокетливым, скорее испуганным, истощенным. Он к другой приник, тянул с собой, но и та ускользнула, вырвалась, даже поспешила взобраться на все еще плясавшего у костра оборотня-корягу.

Малфрида потрясла головой. Уж не примерещился ли ей ее муж разлюбезный? Воевода Свенельд, посадник древлянского края, боярин киевский... и тут?

В такое невозможно было поверить. Малфрида была уверена, что Свенельд и на вытертую овчинку не наделен силами чародейства. Да, он сознался, что пьет живую и мертвую воду, но ведь вода эта колдовской силой не наделяет. Да и еще Свенельд прославился тем, что некогда жестоко бился с нежитью в Древлянской земле. А ведьмы и колдуны таких не привечают. И все же Малфрида была уверена, что это он, узнала его литое поджарое тело, растрепанные светлые волосы. Красивый, как всегда. Но отчего же выбранные им ведьмы так шарахнулись от него?

Малфрида хотела порасспросить кого, да ведь кто выслушает? Вон в какой раж все вошли.

И все же она отметила, что не везде шло такое безумие. И то один, то другая из колдунов порой выходили из бешеного хоровода, шли туда, где сидел выбранный на это разгулище главарь, кланялись. Сам же хозяин разгулища, худощавый и босой, враскоряку сидел на огромном, выточенном из огромного пня седалище, нагой, как и все тут. Он сутулился, и казалось, что наброшенная на его голову турья личина с большими рогами как будто клонит к земле его голову.

В какой-то миг Малфриде померещилось, что хозяин разгулища смотрит в ее сторону. Она хотела было подойти, указать ему, что тут воевода киевский. Но не подошла. Неужто она выдаст рогатому хозяину своего любимого мужа? Неужто укажет на того, кто тайно пробрался на разгулище и пытается...

Но что хотел тут ее Свенельд? И что будет, если она его выдаст? Наверное, все эти беснующиеся чародеи что-то чувствовали, не даром те колдуны так кинулись от Свенельда. Но все же... нет, Малфрида ни за что не хотела, чтобы его разорвали на мелкие кусочки. Что же ей делать?

Тем временем хозяин ведьмовских игрищ неожиданно поднял руку, закричал в толпу:
– Мастерство покажите! Силу, полученную на Лысой горе, явите.

Веселый гомон у костра как будто приутих, колдуны и ведьмы потянулись к его своеобразному трону. Хозяин указывал на кого-то из толпы, и тот выходил вперед, являл силу. То невысокий коренастый мужик вдруг поднатужился и на глазах у всех превратился в горячего вороного коня – вставал на дыбы, ржал, сверкая огненными глазищами; то старушка вдруг с невиданной ловкостью перевернулась через себя и обернулась такой красавицей, золотоволосой и белотелой, что ведьмаки завывали восхищенно.

Мальчонка со стриженными, будто у холопа, под скобу волосами превратился в гусака, поводил вскинутым клювом, смешно приплясывая красными лапками, загоготал.

Потом вперед вышла молодлица грудастая, показавшаяся Малфриде смутно знакомой, перекувырнулась и вдруг... опустилась на четвереньки горбуньей Годоней.

Толпа так и взорвалась от хохота. Говорили:

– Слабовата, как всегда, ведьма из Дорогожичей. Зелья ей подайте, колдовского зелья, а то горбунья и до дому не сумеет долететь.

Годоня засеменила к котлу у голубого огня, закрывала седую растрепанную голову руками, словно стыдилась. Но ей уже налили в миску чародейского варева, она стала лакать его еще дымящимся.

Малфрида все высматривала в толпе Свенельда, пока не увидела его совсем близко, стоявшего в обнимку с двумя развеселыми ведьмами. Он скользнул по ней взглядом, словно не заметив. Да, это он... Или нет? Малфрида узнавала его высокие скулы, нос с горбинкой, видела знакомые морщинки у глаз, когда он смеялся. Он... или все же не он?

Она вдруг поняла, что ее смущает: на нем не было ни единого шрама. Она хорошо знала тело мужа, много раз целовала его белесые рубцы на груди и бедрах, знала маленькое родимое

пятнышко у правой ключицы. Сейчас же ничего этого не было, тело Свенельда было гладким, без малейшего изъяна, словно кто снял с раскрасавчика варяга слепок, будто... будто превратился кто в него!..

От этой мысли древлянке стало как будто легче. Хотела было подойти к этому... к этому «Свенельду», но в это время кто-то прошел мимо, грубо оттолкнув ее. Она увидела, что это старик, высокий и жилистый, широкоплечий, отчего его тело казалось совсем молодым. А сам ведь седой, длинная грива волос отросла ниже лопаток. А как он чуть повернулся, как осветил его волшебный костер, стали видны черты лица, строгие и значительные. Белая борода гладко расчесана, а глаза черные как ночь, и брови тоже черные, будто смолой наведенные.

– Что, Коста, это все, на что твои годятся? – с усмешкой обратился он к облаченному в турью шкуру с рогами хозяину разгулица. – Все, на что способно их чародейство?

Он откинул голову и расхохотался – громко и зло. И вдруг вскинул руки, стал несказанно увеличиваться в размерах, изменяться... Все выше рос, шея вытягивалась, пошла сероватой чешуей...

Колдуны и ведьмы отпрянули, закричали в страхе. А посреди поляны уже вращал темно-глазыми мордами чудовищный змей-ящер, сучил когтистыми лапами, бил огромным острым хвостом. Толстое неуклюжее тело переваливалось, медленно поворачиваясь к собравшимся, пополз длинный хвост. На поляне после шума и веселья тишина показалась оглушающей. А чудовищный ящер откинул на толстой чешуйчатой шее плоскую уродливую голову и зашелся глухим смехом, как залаял.

– Чудище! – пронзительно и испуганно закричал кто-то. И тут же все кинулись кто куда, завизжали ведьмы, заплакали дети, ругались колдуны. Разбегались.

Одетый в турью шкуру чародей на пне подскочил, выкрикивая:

– Это древлянин! Кудесник древлянский! Колдуйте против него!.. Ваши заклятия его обезвредят!..

Но все в испуге разбегались, а кто не успел, те падали под ударами длинного шипастого хвоста. Кого-то ящер-змей успел схватить страшной пастью, затряс головой, так, что у попавшего к нему только руки и ноги замотались, как у куклы тряпичной.

Малфрида побежала вместе со всеми, в мешанине тел ее толкнули, она упала, закричала. А потом вдруг что-то произошло.

Еще не уразумев, в чем дело, Малфрида оглянулась и заметила, как к ящеру спешно выскочил так называемый Свенельд... или тот, кто обратился в него. Он был все еще наг, но теперь его оружием стали неожиданно выросшие длинные клыки. Он прыгнул на раздутое тяжелое тело змея, впился в его толстую шею, рванул, вырвав из нее кусок, жадно припал к отверстой ране, словно желал выпить змеевой крови.

А ведь и впрямь пил, ибо тот вдруг забился, заскреб лапами, которые вдруг превратились в руки, и змей уже был не змей, а извивающийся голый волхв. Лишь чудом вырвавшись, он стал отползать, пока не превратился в обычную гадюку, молниеносно исчез в траве, затерялся.

Свенельд же оглянулся и... Теперь Малфрида точно знала, что это не ее муж. Она видела перед собой некое полуистлевшее существо, со страшно вращавшимися выпученными в окровавленных глазницах глазами на огромном голом черепе, жутко скалящееся улыбкой мертвеца. И вдруг ей показалось, что глядит это существо именно на нее. От него так и веяло каким-то иным миром – бесконечно древним, безжалостным, торжествующим...

И тут она потеряла сознание.

Когда Малфрида очнулась, разгулище уже почти опустело, голубые огни угасли. Только хозяин в турьей накидке все еще был тут, суетился среди поверженных тел, отдавал указания, кого как лечить, а кого просто отпоить колдовским зельем, чтобы имели силы добраться назад и там оправляться.

Возле Малфриды оказалась Годоня, стала ее ощупывать.

– Цела! Вот хорошо-то!.. А то как бы я свою боярыню утром в тереме представила, как бы объяснила, что с ней.

– В тереме? – удивленно повторила древлянка, словно не понимая, о чем это Годоня волнуется.

– В тереме, в нашем тереме. Возвращаться нам надо, а то вишь, какая беда тут приключилась. И как же наши ведуны не рассмотрели, не почувствовали, что на Лысую гору волхв-чародей древлянский проник? И зачем, спрашивается? Мы-то в их земли не суемся. У них – их чародейство, у нас – наше. Это уговор. Этот же все равно сюда пролез. Силой своей хотел похвалиться, что ли, душегубец проклятый? Ведь у древлян сейчас сила такая, что никто из наших бы не помог. Вот только Кощей и сладил с ним. Повезло, считай, что Темный на разгулище явился, подсобил. Ведь и его нынешняя древлянская сила не больно радует, как и не радует, что другому темному владыке, сопернику Кощееву, целое племя поклоняется.

– Кощей? – переспросила Малфрида, поднимаясь.

– Кощей, Кощей Бессмертный. А он могучий чародей, вечный. Хотя в нынешние времена и его силы маловато, чтобы сюда на полудень добраться. Ведь ему тяжело покидать свое золото подземное, именно в нем вся радость Кощеева. Вот оно и удерживает его на далекой полуночи. Однако теперь все изменилось в колдовском мире, древляне наколдовали всякое, солнце даже не проглядывает, отчего вся сырость эта и дожди непроходящие. Вот Кощей и смог проникнуть сюда на краткий срок.

Малфрида вспомнила, как о необычной колдовской силе древлян говорила ей недавно княгиня Ольга. И отчего-то не по себе ей сделалось. Чего же хотела от нее светлая княгиня, когда тут такое... Вон, всего один волхв древлянский смог разметать всех колдунов на Лысой горе. И если бы не Кощей...

– Так это Кощей в мужа моего превратился? – только и смогла вымолвить Малфрида.

– Догадалась? Кощей всегда принимает чужой облик, когда меж людей возникает. А тут Свенельда ему еще продали. Киевские бояре, которым возвышение Свенельда страсть как мешает, сговорились да заплатили Кощею, чтобы помощника Ольги ему отдать жертвой. Так что не долго тебе боярыней Свенельда хаживать. Зато тебе достанется все, чем он владел. Богатой будешь, уважаемой, никто слова поперек тебе не скажет. Ты рада?

Малфрида была потрясена. Вернее, не Малфрида, не ведьма, которая пробудилась в ней в эту колдовскую ночь, а древлянка Малфутка, любившая зеленоглазого варяга, как свою душу. И она внезапно ощутила такой ужас, что и грудь заболела. Ей вдруг стало все равно, что Свенельд отказался от нее, она только вспомнила, что любила его, что она жена его...

– Так Кощей погубит Свенельда?

– Ну, погубит или живьем заберет – это уж как ему заблагорассудится. Он ведь всегда себе лучших выбирает – девиц ли пригожих или молодцев в самом соку. Так исстари повелось, чтобы в жертву ему лучших отдавали. Вот и теперь...

Она резко умолкла, когда рядом раздался глухой и сильный вздох, словно дышало нечто огромное, почти бесконечное. И какой-то мертвенный тяжелый голос произнес:

– Все ты верно объяснила, горбунья. Чародейка из тебя хоть и никудышная, но умом тебя боги не обидели.

Годоня завизжала от страха, приникла к земле комочком, дрожала вся. Малфрида в первый миг тоже едва не кинулась невесть куда. Но сдержалась. Была в ней некая дающая силы злость, оттого что этот Темный решил забрать Свенельда... ее Свенельда, ладо ее! И она произнесла:

– Я не хочу, чтобы ты тронул моего мужа, Кощей. Мой он – слышишь ты, чудище полуночное!

Только после этого она повернулась. Посмотрела.

Он возвышался рядом, огромный, закутанный в длинную накидку, полы которой шевелились как будто сами по себе. Голову его покрывало что-то темное, лица видно не было, лишь взгляд угадывался – подавляющий, мертвый, но и исполненный интереса. От всего его существа исходило ощущение дикой, внушительной силы. Такой чудовишной, что Малфриде потребовалась вся ее твердость, чтобы не поддаться панике, не бежать. А начать торги... Ибо она уже решила, что будет бороться за любимого, что не позволит погубить Свенельда.

Кощей вдруг засмеялся – если это можно было назвать смехом. Словно где-то рвалось и лопалось что-то запертое, как будто стон краткий возникал и срывался, будто камни падали на камни.

У Малфриды застыла в жилах кровь, но вместе с тем она все больше начинала гневаться. И с гневом в ней росли силы.

Глаза ее полыхнули желтым светом, узкие зрачки вглядывались во мрак под накидкой Кощея, но если обычно она четко видела впотьмах, то теперь различила... ничего не различила. Только смерть костистую видела, плоть, давно переставшую быть плотью, и пустоту там, где обычно живет душа. Холодом и мраком веяло от Кощея.

Он вдруг вскинул руку, пелена его накидки взвилась, разрослась, закрывая все вокруг. Потом медленно опустилась, будто скрыв и вновь явив все. Миг – и они были одни. Промелькнули мимо какие-то тени, кто-то застонал, кто-то вскрикнул удивленно...

И вот они вдвоем стоят на той же поляне, но нет уже ни Годони, ни чародея в турье накидке, ни кого иного. Только ветер дул порывами, развевая длинные волосы Малфриды.

– Где все? – почти буднично спросила Малфрида.

Черный силуэт немного склонился к ней, из мрака проступил страшный оскал, как будто Кощей улыбался.

– Ты не боишься, – в его глухом голосе слышалось удовлетворение. – Значит, я не ошибся в тебе.

Нет, она боялась. Сердце стучало, тело сотрясала мелкая противная дрожь. Кощей подавлял ее, и ведьме стоило неимоверного труда повторить свой вопрос.

– Куда ты дел всех?

Кощей повел плечом.

– А кого куда. Восвояси отправил, кого по домам, а кого просто подальше, там сами разберутся. Колдуны ведь, хоть и ничтожные, но с чародейством все же знают.

Вокруг них была обычная темная ночь, такая глухая, как в предрассветные часы, когда все замирает и наступает полная тишина. Только ветер веял, разметывая слабые огни догоравшего колдовского костра. Подле него еще валялся на боку перевернутый большой котел, еще слышался слабый запах разлившегося колдовского варева.

– А ведь я искал тебя, Малфрида, – произнес Кощей своим тяжелым голосом, словно откуда-то издали, хотя стоял совсем рядом и осматривал ее с таким интересом, что древлянка кожей ощущала скользкую цепкость его взора. От этого Малфрида стала замерзать, куталась в свои волосы, как в накидку, колени поджала, обхватив их. Но ответила, как огрызнулась:

– Что-то всем ныне Малфрида понадобилась. А я и не знала, что я Малфрида. Но тебе-то я зачем?

– С собой хочу позвать. Пойдешь?

– Нет.

Но уже ощутила, как он будто притягивает ее к себе. Потом показалось, что он взял ее за руку своими костистыми ледяными пальцами, и кисть ее стала застывать, мерзнуть почти до боли.

Малфрида рванулась, зарычала на него утробно, изо рта даже выросли клыки, глаза засветились. От него шла такая волна силы, что и в ней будто что-то отозвалось, ее ногти вдруг стали острыми когтями, и она взмахнула свободной рукой, рванула этот мрак под его капюшоном,

почти с удовольствием ощутив, как зацепила, как заскрежетала по кости... Кости? Или камню? Или ледяной остов задела? Или то, что у этого Бессмертного еще могло называться плотью.

Кощей отпустил ее руку, засмеялся и жутко и равнодушно, но в то же время одобрительно.

– Вот сколько у тебя сил, когда ты подле меня. А пойдешь со мной, познаешь такую мощь, что все иное уже не будет для тебя ничего значить. Ни игрища эти слабосильные, ни людские страстишки, ни людской суд. Я смогу тебе это дать. Но для этого надо, чтобы ты сама захотела встать подле меня, согласилась служить мне. Ты ведь такая сильная ведьма!.. С тобой вместе мы многое сможем! Я, имея всю силу потустороннего мира, всю мощь холодной кромки между мирами, – и ты, рожденная женщиной, имеющая теплую кровь и возможности высылать потустороннее колдовство в сей мир. Я буду повелевать из-за кромки, а ты станешь проводницей моих сил в мире людей. И еще...

– Ничего не еще!.. – огрызнулась древлянка. – Я не пойду с тобой. И живой ты меня не возьмешь!..

Она кипятилась, была испуганна и зла, он же молчал. И вдруг ответил, что живой он ее и впрямь не возьмет – нет там жизни, куда увести ее хочет. Ему нужна лишь частица ее доброй воли, лишь кивок согласия. Чтобы получить от него могущество, для нее и этого достаточно. Она сможет и кромку навещать, и бывать в этом мире смертных, но жить полной жизнью среди людей она больше не сможет.

Но нужна ли ей эта жизнь среди мелкого и склочного люда, который ненавидит и губит таких, как она? А вот за кромкой она бы многое могла. Ей бы повиновались, она бы познала силу власти и роскошь, она бы стала посещать иные миры, и везде ее почитали бы за силу колдовскую и умение.

– Да нет у меня никакой силы, – застывшими от исходящего от Кощея холода губами отозвалась древлянка. – Даже Годоня говорила, что не может ее быть у меня, пока ребенка ношу.

Она хотела дать ему понять, что беременная ведьма – всего лишь баба брюхатая. И другая теперь у нее жизнь. Пусть и нелегкая, но своя, без этого жуткого повелителя, чья воля уводит ее от мира Яви⁴⁶ куда-то... куда и заглянуть страшно.

Кощей молчал. Долго.

– Вот оно что... – раздался наконец, как шелест ветра, его мертвенный голос. – Вот оно что. Я об этом и не подумал. Только подивился, отчего ты за Годоню цеплялась, чего не сама... даже не узнал тебя сразу из-за этого. А ты, оказывается, совсем без сил своих.

И вдруг захохотал. Опять его жуткий смех дробил пространство, щекотал в голове, отчего хотелось броситься на землю, впиться в нее когтями и клыками, зарыться...

– Что ж, оставайся, пока не пришло тебе время разродиться. Человечий дитенок... он просто человеческий. Но ты придешь ко мне, придешь за своим Свенельдом, раз уж он мил тебе. Или за тем, что я тебе от него оставлю!

Малфрида вдруг кинулась к нему.

– Не тронь Свенельда! Я пойду за тобой, если оставишь моего мужа.

Он молчал какое-то время. И вдруг произнес:

– Увы, на ко времени. Я не смогу тебя взять сейчас, беременную. Нерожденная жизнь в тебе там замрет, погубив и тебя саму. А Свенельд... Его мне в жертву обещали. А еще дали за него золото, чтобы забрал. Много золота. А в золоте моя сила.

– Я дам тебе больше, чем заплачено!

Малфрида сама не знала, отчего это произнесла. Но была убеждена, что сможет откупиться от проклятого Кощея. Вот и стала торговаться.

⁴⁶ Явь – реальный окружающий мир.

– Ты ведь злато любишь, Кощей Бессмертный. Чем больше у тебя злата, тем ты сильнее, в нем твоя сила.

– То только мое злато! – настороженно произнес Кощей, в его мертвенном голосе впервые появилась некая интонация.

И Малфрида поняла, что она на правильном пути. Стала говорить, что она богата, что муж ее богат, они смогут заплатить.

– Мне много золота понадобится, – наконец поддался на уговоры Бессмертный. Хотя в нем уже не было души, жажда золота заменила ее и дала ему новые стремления. Жадность взволновала его, он стал слушать.

Малфрида торопилась. Ибо видела, как огромный силуэт Кощея постепенно стал таять. Видать, где-то уже звучали отдаленные крики первых петухов, изгоняющие ночь, призывающие зарю. Малфрида понимала, что время ночного чародейства истекло, идет рассвет Живинного дня, когда уже никакие чары не способны устоять перед светом солнца. Хотя какого солнца? Столь темные силы владели здешним небом, что за всю весну и солнце не смело выглядывать из-за туч. Но все же близился рассвет, ей надо было спешить, пока это странное существо не исчезло.

Малфрида почти подползла к нему, даже руки протянула.

– Говори! Ты согласен взять выкуп за Свенельда?

Она злилась на его молчание, видя, что он начинает растворяться в сером мраке.

– Пора мне, – выдохнул с тяжестью, как будто ему трудно было дышать. – Ты мне заманчивое предложение сделала, древлянка. И все же трудно мне будет отказаться от данного ранее слова. Однако есть нечто, что я готов взять в обмен на Свенельда.

– Ты получишь, что пожелаешь!

– Не спеши. Ибо за отказ от своего Кощеева обещания я потребую от тебя не только возы добра и мехов, не только злато-серебро, но и тьму⁴⁷ людских жизней. Причем не просто каких-то там рабов для заклания, а именитых и достойных людей. И умертвишь ты их без применения каленого булата, какое мне не любо. Причем сделаешь это до наступления Купальских праздников. Если не управишься в срок, Свенельд исчезнет, как и не было его. Сможешь такое сотворить?

– Смогу!

Кощей засмеялся, но совсем не как ранее – тихонько, дребезжаще, будто сотня мелких духов возликовала в его огромном темном силуэте.

– И последнее скажу, – удаляясь, шелестел голос Кощея. – Я оставлю вас со Свенельдом в покое, если ты принесешь мне в жертву того, кого носишь под сердцем.

Малфриду пронзила дрожь. Еще недавно она сама подумывала избавиться от этого ребенка, невесть с кем зачатого, мешающего ей. Но сейчас, при мысли, что она выносит это дитя, сроднится с ним, а потом отдаст этому чудищу...

– Согласна!

Она прошептала это, как будто сил сказать такое в голос уже не осталось. Чувствовала взгляд Кощея из темноты и вдруг поняла, чего он ждет. Поэтому собственными клыками укусила руку, и когда выступила капелька крови, показала ее Кощею.

– Кровью тебе в том клянусь!

Он исчезал. Его голос звучал уже из далекого далека.

– Добро. Ряд⁴⁸ заключен. Луна и ночные духи тому свидетели. Не исполнишь обещанного, я имею право взять все. И тебя, и Свенельда и дитя твое.

У нее хватило сил только кивнуть.

⁴⁷ Тьма – большое число, сотня или больше.

⁴⁸ Ряд – договор, соглашение.

Он же сказал:

– Мне любо, что ты на подобное решилась. Я ничего не проигрываю и не теряю. А напоследок и тебя одарить хочу. Я верну тебе память. Ты все вспомнишь... Вновь будешь знать колдовские заклинания и заговоры, вновь познаешь все, что умела, поймешь, каково это – быть ведьмой... Однако чародейскую силу ты вернешь только как разродишься. И тогда...

Она не услышала в налетевшем порыве ветра его последнее слово. Но успела заметить, как он взмахнул полой черного савана уже из какой-то разверзшейся темной воронки, исчез...

А на нее будто навалились какие-то вспышки, силуэты людей, мельтешение лиц и оскаленных морд, свист стрел и вой духов. Они словно были везде, наваливались извне и поднимались из глубины ее самой, переполняли ее с такой силой, что она завывала, ощутив сильнейшую боль. Схватила за голову, которая, казалось, сейчас разорвется от перенапряжения, закричала, повалилась на землю, каталась, закрываясь руками, молила погодить, не так скоро...

Но они мелькали и наседали, она как в бреду узнала своего наставника, кудесника Никлота, узнала облик чернобрового седого Маланича, молодого древлянина Малка, иных людей, существ, гадов, духов; узнала скалившегося волколака, узрела искаженные ненавистью лица гонителей... а еще и чудищ над болотом, степняков на быстрых лошадях, корабли под парусами... Как взаправду ощущала прикосновения князя Игоря, видела его синие глаза под седой прядью, ощущала боль капкана на щиколотке и задыхалась от клубов едкого дыма костра, над которым стояла привязанная она сама.

Все это разом ворвалось и заполонило ее, оглушило, отупило. Ее человеческая сущность не могла вмиг поглотить столько враз нахлынувших воспоминаний и знаний. Ее коржило, из носа и ушей хлынула кровь, волосы сбились в колтун, тело было исцарапано и испачкано. Потом она выгнулась, застыла, по телу ее пробежали судороги, она сучила ногами, глаза вылезли из орбит, скалились зубы, по телу тек пот.

Где-то опять прокричали петухи. Но Малфрида не услышала их. Она лежала неподвижно, походя сейчас больше на труп, чем на боярыню из Дорогожичей, которой люди кланялись. Она не шевелилась, погрузившись в глубокий сон, более похожий на обморок.

Глава 4

Византийские мастера для княгини Ольги возвели на киевской Горе большую светлую хоромину из камня: обрамленное пузатыми колоннами белокаменное крыльцо с торжественно восходящей лестницей, вдоль фасада галереи на круглых подпорах, большие окна с овальными сводами окружала затейливая резьба, ввысь поднимались шатровые кровли, крытые яркой черепицей. Красиво, богато, солидно. Как раз под стать такой правительнице, как Ольга Киевская.

А вот варягу Свенельду среди эти белокаменные своды давили на голову, не давали сосредоточиться. Поэтому, едва бояре после совета стали покидать высокую светлую гридницу княгини, а то и вовсе толпились в белокаменных сенях, обсуждая говоренное, как Свенельд торопливо протиснулся промеж них и кинулся прочь. Миновал мощный плоским камнем двор, взбежал на окружавшую княжеские постройки стену, и только тут, на галерее над киевской горой, над разливом вольного Днепра, где ветер растрепал его длинные волосы, смог варяг вздохнуть вольно и глубоко.

Постепенно мысли стали успокаиваться. Свенельд прикрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Столько событий произошло в последнее время, столько надо сделать. С чего начать? Ехать ли на погребение своротившей шею мамушки Липихи? Посылать ли людей на поиски невесть куда пропавшей жены? А может, ляд с ними со всеми, а ему лучше обмозговать, как теперь быть с Ольгой, или обдумать да оценить возможности и силы соперников?

Свенельд понимал, что сейчас, после гибели Игоря князя, именно у него в руках наибольшая сила. Его войско при нем, его богатства огромны, его любят в Киеве. Любят, да не все. Старые боярские роды, ведущие начало от князей-основателей Кия, Щека и Хорива, смотрят на него косо и явно признать его, чужака, не захотят. Вот и смотрят коса, словно задумали недоброе. И все эти слухи, что он с Ольгой того... Им подобное не по нутру. Они сами верховодить хотят. Ведь Ольга что? Вдовица прежнего князя, один сын ее далеко, да и того мало кто на княжение позовет, второй – дитя малое, глуздырь⁴⁹ совсем. Ну не Ольге же, в самом деле, над Русью стоять! А поддержать княгиню может только он, Свенельд. Если сам не пожелает шапку княжескую примерить.

Свенельд понимал, что сейчас у него есть возможность ухватить жар-птицу удачи за хвост. Если не опалится ее огнем. Когда уж тут кручиниться о смерти мамки Липихи, когда заботиться, куда его боярыня пропала. Ему бы власть удержать, взлететь на сильных крыльях, подчинить... саму Ольгу. И высказать ей то, что таила душа его: как она мила ему, и что если все еще хочет быть княгиней, то пусть назовет его князем. А он и ее подле себя посадит, как жену свою, как суложь любимую, желанную... И княгиню. А что? Была Ольга княгиней при Игоре, станет княгиней при Свенельде. Она согласится! Свенельд знал, что нравится ей, что только узы брака с князем Игорем удерживали ее от того, чтобы открыться. И если он поклочет – она придет в его объятия.

Так он думал порой. Но потом...

Не забыл ведь варяг Свенельд как княгиня вышла из гридницы, узнав про смерть мужа, как в переходе кинулась всем телом о каменную твердую стену да завывала по-волчьи. Даже толстая кладка камня не сокрыла звуков ее истошных криков и рыданий. Именно тогда Свенельд понял, что те ласковые взгляды княгини, какие порой ловил на себе, ничего не стоят перед тем чувством, какое она испытывала к Игорю. Но Свенельд утешил себя мыслью, что это княгинюшка так не только от горя, но и от страха рыдает. Ведь одна с малым княжичем у власти осталась.

⁴⁹ Глуздырь – маленький ребенок.

А еще Свенельд заметил, что в последнее время Ольга словно отдалилась от своего верного варяга. Ее бояре, ее советники-волхвы окружали Ольгу плотным кольцом, да и она сама за ними хоронилась, словно понимала, что от нее Свенельд потребует. Вот и смотрит, как будто он из преданного воеводы врагом ее вмиг сделался. Понимает ведь, что править на Руси сможет лишь тот, за кем сильная дружина. А что есть у Ольги на сей день?

Свенельд подумал про Асмунда, которого Игорь, уезжая, при княжиче за кормильца оставил. Кормилец будущего правителя – высокая должность. Поэтому все воины погибшего князя станут за этим седуусым воеводой, если понадобится. Захочет ли Свенельд против старого друга и соратника выступить за власть в Киеве? Пойдет ли против вчерашних побратимов воинских? Да и бояре местных, коим он не люб, забывать нельзя.

Да и восставших древлян забывать нельзя. Эти уже приготовились к противостоянию с Русью. Так что раздор в стольном Киеве им только на руку будет.

Над высокой кручей Горы, над разлившимся Днепром пронесся сильный порыв ветра. Свенельд подставил ему лицо, вдыхал жадно. И ощутил влагу на лице. Ах, этот бесконечный сырой дождь, которому, казалось, не будет конца. Вон на Живин день тихо как отгуляли, волхвы не устраивали шумного торжества, понимая, что гибель князя не повод для ликования. И каковы бы требы они ни возносили на капищах, но и в светлый праздник Живы не смогли вытребовать у небес солнышка. Неудачу свою объясняли тем, что это чародеи древлянские мешают им ворожить, что идет с их стороны нечто темное и мрачное. Ну да кому как не посаднику Свенельду знать, на что древляне способны.

По сути он подозревал, что древляне могут покончить с Игорем. Как и понимал теперь, что войны с этим племенем не избежать. А вот отчего так дерзки древляне, его озадачивало. Конечно, он и ранее выяснил, что князь их Мал вел переговоры с соседними племенами бужан и волынян, но ведь Свенельд уже подсутился и успел перекупить сговорившихся с Малом глав соседних племен, больше им заплатил и был уверен, что не полезут волыняне и бужане в сечу ради древлян.

Знает ли о том Мал? В любом случае он ведет себя так, словно не опасается мести за погубленного Игоря. Да и потом все эти рассказы, что в его чащах ныне опасно и чародейство там великое...

А вот плевал Свенельд на их чародейство! Он твердо знал, что сильный человек победит любую нежить наколованную, справится с любой жутью. Случалось уже, не подивят его ничем древляне. А вот посеять раздоры на Руси, когда ни один, ни другой из детей Игоря не в силах воинство против восставшего племени возглавить – это они могут.

Свенельд уже не первый день думал обо всем этом, но на совете все больше отмалчивался, размышлял. От этих мыслей не отвлекло ни известие о странной кончине мамки Липихи, ни весть о нежданном исчезновении его жены Малфуты. Хотя пусть люди лучше думают, что его только дела домашние заботят. Вот уедет он сейчас к себе в Дорогожичи и понаблюдает со стороны, как тут все пойдет. Но как же уедешь, когда уже пошла весть, что в Припять вошли струги с древлянскими послами, идут к Днепру. Сваты, видишь ли...

Свенельд постарался отвлечься, наблюдал, как на соседней от Горы возвышенности Детинке носились вдоль ее длинного плато всадники, показывали свое умение. А ведь и впрямь удалцы! Со своего места Свенельд видел, как они вздыбливают своих скакунов возле поставленного на краю Детинки шеста, срезают с него повешенные тыквы, а то и просто на ходу свешиваются с седел, поднимают брошенные шапки и тут же, с ходу, метают сулицы⁵⁰ в соломенного истукана в стороне. Вот, а еще поговаривают, что русы уступают степнякам в умении сражаться верхом!

⁵⁰ Сулица – короткое копье, дротик.

А потом Свенельд заметил среди похвалявшихся своим мастерством конников молодого черниговского воеводу Претича. Он нравился варягу: у парня только первая борода пробивается, а уже прославился в степных дозорах, охраняя порубежье со Степью. И прислал его князь Тудор Черниговский. Вроде как для помощи прислал, но ведь заодно и показать так хотел, какие славные витязи под его рукой ходят. А значит есть у Тудора воинская сила, и если что... то и его можно выкрикнуть князем Руси.

А еще смоленский князь-посаднк Гиля уже порывается свою власть проявить, если сам же не отстанет от Руси, задумав стать самостоятельным правителем... Все после гибели Игоря заволновались, свое решают. И это не говоря о новгородской земле, где родичи павшего Игоря в силе.

Да что там говорить, если в самом Киеве поговаривают кого-то из старой родовитой знати возвысить. И Свенельду вспомнилось, как на него эти потомки прежних князей поглядывают. Вроде просто неприветливо и хмуро, но отчего-то порой и посмеиваются между собой. Задумали что-то? И ему надо быть настороже. Куда тут думать в Дорогожичи ехать...

Почему-то вспомнилось, как был удивлен, прознав, что к нему в Дорогожичи недавно ночью ездила княгиня Ольга. Случилось это, когда он, успокаивая княгиню, поведал, что его жена-древлянка и есть та чародейка Малфрида, о которой слух давно идет. Зачем-то сказал? Ну думал так княгиню успокоить, а она, как услышала о Малфриде, вмиг поменялась в лице. Свенельд сперва решил, что ревность бывшая в ней пробудилась, ведь знал, как Ольга ревновала Игоря к чародейке. И лишь потом узнал, что Ольга той же ночью сама помчалась в Дорогожичи, где с боярыней его о чем-то долго толковала. О чем? – никому не ведомо. Раньше бы княгиня варягу своему бы доверилась, а так молчит. Да и Малфутку не расспросишь. Пропала невесть где. Ну а Свенельду даже намекнули, что его суложь испугалась гнева мужа, после того как мамку его с лестницы спихнула. Свенельд не хотел об этом думать. Хотя и знал, что не на простой древлянке женился, сам ведь некогда видел, какой она может быть... когда нечто темное и злое брало в ней верх.

От раздумий варяга отвлекли послышавшиеся сзади неторопливые шаги. Свенельд и не повернувшись, угадал уже по этой неровной поступи, что приближается кормилец княжича Асмунд. Некогда этот муж был славным воеводой, водил дружины под рукой князя Игоря. Однако в последнее время прихварывать заметно начал, поэтому чаще не уезжал, а делами тут, в Киеве, заведовал.

А ведь Асмунд, как один из лучших людей Руси, мог и продлить себе жизнь, вернуть здоровье. Если бы живую и мертвую воду пил. Тот же Свенельд не пожалел бы для него заветной склянки. Ведь у Асмунда хватило бы богатств расплатиться даже золотом за новую жизнь. Но не пожалал. И Свенельд догадался, что старый воевода подался в христианство. Ведь эти почитающие чужого Христа люди странные, их и живой водой не приманишь, все о душе своей пекутся. Мол, пить чародейскую воду – это губить душу. А для христиан душа важнее даже жизни. Станный народ, упрямый.

– У тебя дело ко мне, Асмунд? – медленно повернулся к кормильцу варяг.

Асмунд стоял рядом, кутаясь в серую накидку с меховой опушкой. И голова у него была серая, русые гладкие волосы сединой присыпаны, как и длинные вислые усы. Лицо худое с вечным налетом щетины, будто ему, одному из нарочитых мужей, и побриться лишний раз недосуг.

– Послушай, Свенельд, – глядя куда-то в сторону, начал Асмунд, – тут боярыня твоя объявилась.

– Где? – встрепнулся Свенельд.

– У входа в детинец⁵¹ стоит. Воротники⁵² ее внутрь не пустили, приняли за бродяжку. Она и впрямь как бродяжка смотрится: грязная, растрепанная, одетая в лохмотья, как будто с чучела огородного какую-то дерюгу стащила. Но я ее увидел из окна и поспешил тебе сообщить, пока дворня всякого болтать не стала.

Свенельд так и кинулся, пронесся по заборолу, только полы его шитой золотом накидки заполоскались. Сбежал вниз, почти расталкивая собравшийся во дворе детинца люд, поспешил к воротам. Так и есть, она, Малфутка... или все же ведьма Малфрида?

Что-то в ней было иное, на милую улыбчивую Малфутку сейчас и не похожа. Стоит себе такая властная и хмурая, волосы взъерошены, лицо грязное, к тому же и впрямь в рубище вырядилась, как бродяжка.

Свенельд еще не протолкался к ней сквозь толпу во дворе, как у ворот подле Малфриды оказался верхом молодой черниговский воевода Претич. Он как раз въезжал в арку срубных ворот, когда вдруг резво соскочил с седла и к ней:

– Малфрида? Ты?

И этот в ней только ведьму видит. Откуда знает? И не опасается, не смущается ее странным видом, а просто просиял, за руки стал хватать.

– Неужто не признала меня, Малфрида? Или забыла, как мы с тобой воевали с печенегам в крепости Малодубовец?⁵³

Свенельд наконец приблизился, быстро скинул с плеч свою сверкающую накидку, закутал жену, стремясь скрыть ее непотребный вид. Она как и не заметила, все больше на Претича глядела, хмурила темные брови, как будто силилась что-то припомнить.

– Не лезь, Претич, – отстранил его Свенельд. – Это жена моя.

– Жена? – удивился черниговец.

Н-да, такую грязную и растрепанную ее и супружницей назвать неудобно. Свенельд постарался поскорее увести древлянку прочь от любопытных взоров. Однако она вдруг остановилась, увернулась из-под обнимавшей ее руки Свенельда, и к Претичу:

– Претич! Ты? Ну и витязем же ты стал, соколенок!

Похоже, и впрямь признала да обрадовалась. Вон как улыбается.

Свенельду стало не по себе. С кем только не якшалась его Малфутка... Уж лучше бы ей и оставалась – тихой да ласковой. А то – Малфрида. И что он теперь с ней делать будет, с отродьем чародейским?

Претич весело подбочился:

– Что, хорош? Я больше не тот мальчишка, которому ты голову морочила. – И добавил уже серьезнее: – А я-то как часто вспоминал тебя, Малфрида, все разыскать силился.

И едва обниматься к ней не полез.

Пришлось Свенельду вмешаться, почти оттолкнуть излишне рьяного черниговца.

Сверху, с заборолов, на них глядел Асмунд, в стороне хмыкали в бороды киевские нарочитые бояре Свирька и Прастен, иные кмети оборачивались, бабы дворовые перешептывались и посмеивались. Свенельд услышал, как варяжский воевода Грим сказал кому-то: он-де давно понял, что боярыня Свенельда и есть та самая чародейка, с которой их князь любился.

У Свенельда горело от стыда лицо и, пока уводил жену, ощущал спиной множество взглядов.

Они свернули за ближайшие постройки, обогнули частокол капища, пошли по широкой улице верхней Горы. Малфрида шла рядом вроде как послушно, но черных глаз не сводила, рассматривала пытливо, словно что-то силилась прочесть у него на лице. Не отвела взора, и когда

⁵¹ Детинец – укрепление внутри града, крепость, кремль.

⁵² Воротники – стражники, несущие службу подле главных ворот.

⁵³ Об этих событиях рассказано в романе «Ведьма и князь».

они вошли в его градское жилище, когда Свенельд затворял за ними дверь в истобке⁵⁴, взмахом руки выгнав сидевших там челядинок.

– Чего пялишься? – неожиданно грубо спросил, когда они остались одни.

– Да вот спросить хочу...

– Это я должен спросить, где тебя леший носил? Ты боярыня моя али кто?

Она наконец отвела взор, окинула взглядом помещение. В небольшое окошко вливался свет хмурого дня, со двора доносилось протяжное кудахтанье наседки, где-то бухала кузница.

– Раньше ты меня сюда не приводил, – сказала она, разглядывая резьбу на наличниках, тканые дорожки на широких половицах, алое сукно на длинном столе. – Все от людей меня прятал в Дорогожичах.

– Как же тебя было не прятать, когда любой молодец залетный может похвалиться, что знал тебя? И мало ли что между вами было... Мне же честь семьи надо было блюсти, раз выбрал тебя своей боярыней.

– Выбрал... меня... – тихо повторила она и вздохнула, словно с облегчением.

Свенельд же оставался суров, сел в противоположном углу, как будто и находиться подле нее ему было тяжело.

Малфрида смотрела на него, чуть склонив голову к плечу. Вот он, ее ладо, ее муж ненаглядный. Хорош собой, сильный, нарядный, уверенный в себе. К такому любая пойдет не раздумывая... А он выбрал ее. Как древлянке Малфутке и мечталось когда-то в глухих чашах.

Но сейчас она видела его как будто иначе, чем ранее: и как Малфрида-чародейка, и как наивная доверчивая Малфутка. Как Малфутка, она его еще любила, а вот как Малфрида... Отчего-то вспомнилось, как некогда древлянские волхвы разбудили в ней ненависть к нему, требовали, чтобы погубила по их приказу посадника Свенельда. Он же спас ее от ярости древлян, женой сделал, но все же не мог полюбить, как ей того хотелось. Чувствовал, какова она на самом деле... ведьма древлянская.

Но еще Малфрида понимала и некое роковое сплетение их судеб: они со Свенельдом сблизилась и она родила ему дочку, потом стала его женой, и значит, они связаны так, что она не может сделать ему зла, а должна оберегать. Ибо ведьмы охраняют тех, кто им близок, и не могут погубить. Погубить ближнего для них – это принести себе самой гибель, это уведет их из мира живых в мир теней. Как Малфутка, она торговалась с Кощеем за любимого мужа, а как Малфрида – понимала, что правильно поступила, встав на его защиту. И как Малфутка, она просто хочет спасти дорогого человека. Но вот хочет ли она остаться его женой как Малфрида?

– Что смотришь, будто я диво невиданное? – не выдержал наконец Свенельд. И словно вспомнив о чем-то, грубо спросил: – Ты что с моей ключницей Липихой сделала, а? Сообщили, что ты с лестницы ее столкнула. Да как ты осмелилась на такое?

Она вдруг прервала его громким залиvistым смехом. И в нем было нечто столь нехорошее, что у Свенельда волосы зашевелились на затылке. Нет, его древляночка милая никогда так не смеялась.

Так кто же перед ним?

А Малфрида глядела на него уже без тени улыбки.

– Я и не прикасалась к твоей мамке Липихе. Но я, похоже, знаю, кто погубил ее. Женщина не из этого мира, высокая и статная, с длинными белыми волосами, которая старится и умирает в считанные мгновения. Блазень, живущий в твоём тереме в Дорогожичах. Знаешь такую? Вижу, что знаешь, – кивнула она, заметив, как он побледнел, встать было хотел, но вновь осел на лавку.

⁵⁴ Истобка – центральное теплое помещение в деревянной постройке.

Свенельд старался взять себя в руки, унять неожиданную дрожь. Откуда Малфутка могла знать про Межаксеvu, жену его прежнюю? Его и поныне род Прастена попрекает, как будто Свенельд повинен в кончине их родички. Ведь сгинуть в единую ночь...

Не был Свенельд виновен в ее гибели? Или все же был?

Он вспомнил угрозы бывшей сулужи. Дескать самому князю она сообщит, что он за Ольгой пресветлой волочится. Да кто бы ей поверил, дуре-бабе? А вот и нашлись бы такие. И это грозило Свенельду потерять все, что достиг. Мог бы и жизни лишиться.

Вот тогда верная мамка Липиха и решила помочь своему выкомышу. А как – он только позже узнал, когда явился на погребение Межаксеvu. Тогда мамка тихим шепотом ему все и поведала. Свенельд тогда как раз привез из древлянских лесов воды чародейской, живой и мертвой. Межаксеvu красавица была, стариться не хотела, вот и потребовала, чтобы муж и ей водицы той дал. Он-то просьбу ее выполнил, да только Липиха по своему разумению поступила. Водица мертвая все болезни лечит, хвори на корню в теле изводит, но может и погубить, если сразу не принять живой воды, продляющей жизнь и младость. А Липиха, дав Межаксеvu испить мертвой водицы, склянку с живой на обычную воду заменила. И боярыня стала стариться и умирать у нее на глазах, в труп разложившийся превратилась, а потом... Липиха ее вновь sprysнула из склянki с мертвой водой – и Межаксеvu стала как была. Только мертвая.

Тогда, поведав все, Липиха бухнулась в ноги Свенельду, причитая, что если бы не избавились они от боярыни, та бы немало бед Свенельду принесла. А он только молчал потрясенно. На устроенной тризне по жене и смотреть на Липиху не мог. Но потом попустило. Простил ее, даже понял, какую услугу ему мамка оказала. Возвысил даже. А выходит... Выходит, блазнем бесплотным стала его Межаксеvu.

Малфрида с усмешкой наблюдала за лицом мужа. Потом вздохнула, как будто с сожалением, поглядела в окошко как-то скучающе.

– Успокойся, боярин. Мертвая помстилась за себя, успокоилась и больше не появится. Но тебе сейчас иная беда грозит, и куда более страшная. Продали тебя бояре как жертву Кощею темному. Однако я уже выторговала твою жизнь. Не расплатилась еще, да только теперь ты мне поможешь. А не поможешь... плохо будет и тебе и мне.

Свенельд потряс головой, словно отгоняя наваждение. Что она говорит? Ну, про блазня... это понятно. А при чем тут какой-то Кощей?

– Ты разозлить или рассмешить меня хочешь, Малфрида?

Так, значит, для него она прежде всего Малфрида... не Малфутка его. Значит так тому и быть.

Свенельд вдруг рассмеялся – легко и беззаботно, как только он умел. И все еще веселясь, постукал себя костяшками пальцев по лбу.

– Дуришь меня? Кошеем стращать надумала?

Она смотрела на него, молчала. И постепенно ее муж перестал смеяться, даже ощутил неприятный холодок под ложечкой.

Свенельд был наслышан о страшилище русских сказок, Кошее зловещем. Мол, живет где-то на дальнем севере могущественный и страшный кудесник, полутруп-получародей искусный, хранитель огромных подземных сокровищ, питающий свою колдовскую силу от этих богатств. Еще сказывали, что в древности ему самых пригожих девиц и молодцев в жертву приносили, чтобы он оставался в своем крошечном мире, чтобы не совался к людям.

Однако сказы ведь все это. А чтобы этому темному Кошее и теперь живого человека пообещали, да еще нарочитого воеводу... Чужачества какие-то, басни бредовые. Скажи Свенельду об этом кто иной, а не его древлянская ведьма-жена, он бы и впрямь только смеялся. Но Малфрида сама была связана с темными силами, она была частью их. А каковы могут быть эти силы, Свенельд испытал на собственной шкуре. Недаром же был он посадником древлянским, ему приходилось встречаться с нелюдями в чащах и сумеречных болотах тех краев, схле-

стывался с ними, с самим змеем Смоком сражаться приходилось⁵⁵. Да, будучи посадником у древлян, всякого насмотрелся Свенельд, и то, о чем пели под перезвон струн слепые гусяры, что-де витязь Свенельд нежить рубил-губил, не только сказкой-страшилкой для него было.

А теперь... Неужели это темное колдовство, которое так не любила и презирала деятельная, живая душа Свенельда, вновь выбрало его своей целью? От этого не только сердце застучит, не только ком в горле станет. С этим так просто не справиться. Да и были у него враги-соперники в Киеве, которые, понимая, что воевода Свенельд им не по зубам, которые его власти опасались. Такие могли и к чародейству обратиться. И пусть Свенельд верил, что человек, если он духом крепок, сильнее любых чар, все одно ему стало неуютно. Даже страшновато стало.

– Кто продал меня? – спросил негромко.

– Да какая разница? А вот теперь нам надо...

Но на полуслове Малфрида вдруг умолкла, прислушиваясь. Свенельд тоже различил какие-то голоса извне, топот ног, потом взволнованный голос Ольги прозвучал в сених.

Тотчас дверь распахнулась и на пороге возникла сама княгиня. Лицо такое бледное, что соболя опушка шапочки почти черной казалась. Глаза же горели ярче камней самоцветных в блестящих колтах.

Сощурилась было со свету, потом на Свенельда глянула, будто и не заметив, а все пошла глазами по истобке. А как увидела Малфриду, так и кинулась к ней.

– Ты пришла, ты все-таки пришла!..

– Пришла, княгиня. И теперь будем думать, как далее поступить. Ибо что у древлян и впрямь чародейство невиданное возросло, я сама убедилась. Как и поняла, что не обойтись мне без вашей помощи, а вам – без моей.

Через несколько дней в Киеве только и разговоров было о том, что на подходе древлянская ладья с послами.

Люди собирались на склонах киевских круч, всматривались в широко разлившийся вольный Днепр с его уходящими вдаль заводями, с исчезающим в сырой дождливой дымке низинным противоположным берегом. И все гадали – с чем прибудут послы от извечных врагов-древлян? Мира запросят или войны? Но если древляне на убийство правителя Руси решились, то как теперь осмеливаются являться в Киев?

Разное люди говорили. Одни требовали созвать рать со всех русских земель да наказать древлян. Другие советовали скликать вече и решить, кто станет во главе Руси. Были и такие, кто считал, что с древлянами прежде всего должен разобраться древлянский посадник Свенельд, но на таких даже шикали. Говорили: воевода-варяг немало власти имеет, а за противоборство с древлянами он теперь и княжескую шапку потребует.

Но все же кто возглавит рать против древлян? Уж точно не Ольга. Куда ей, вдовице, да еще с малым сыном полки водить?

В Киеве многие считали, что разбираются в этих вопросах. Чай, они не новгородцы надменные, которые только и могут, что глотки на сходках рвать; и не смоляне, которые только торгами своими и сильны, а в походы уже много лет не выступали. И только они, Киев, стольный град, могут решить, и кого на княжеский стол сажать, и кого в защитники кликать. Однако даже за такими заносчивыми высказываниями таился страх: а вдруг, пока они тут судят да рдят, эти дикие древляне, пользуясь безвластием, нападут на Киев? Вон, старожилы киевские сказывали, сколько бед и разорения было Киеву от древлян, пока Олег их не подмял под себя.

Но когда ближе к вечеру показался на реке древлянский корабль, жители столицы приумолкли.

⁵⁵ Об этом рассказывается в романе «Ведьма».

Гребцов на ладье находилось не больше двенадцати, но на внутренних скамьях сидело еще человек двадцать. К тому же все пространство возле мачты было завалено какими-то тюками. На корме тоже размещались мешки и бочонки, плотно увязанные и покрытые шкурами. Не зная в Киеве, что древляне решились на переговоры, так можно и решить, что купцы прибыли с товаром торг-мену.

Древлянская ладья пристала возле Боричева узвоза – широкого подъема на Гору. Ожидавшие внизу на пристани люди перекинули мостки на борт, чтобы древляне могли сойти с удобствами. Послы как-никак.

– Ишь какие, – переговаривались в толпе.

При этом многие стали поглядывать туда, где на заборках городни стояли именитые киевляне. И во главе их княгиня Ольга. Ветер развеивал ее длинное белое покрывало под собольей шапочкой, она удерживала у горла темную, опушенную соболем накидку. Подле нее стояли именитые мужи: бояре в высоких шапках, волхвы в светлых одеяниях, варяжские воеводы в шеломах и кольчугах. Ближе всего к Ольге стояли ее советники Асмунд и Свенельд. А вот за плечом Ольги виднелась женская фигура боярыни Свенельда, Малфуты. Она была в темно-красном одеянии, длинное в тон платью головное покрывало надвинуто до самых глаз. На своих соплеменников-древлян, казалось, и не глядит из-под покрова.

Киевляне шептались, что в последнее время Ольга благоволит к супруге Свенельда, почитай не расстается с ней. А еще шла молва... что странная эта боярыня-древлянка. Вон челядь из терема княгини поговаривала, что все с волхвами та общается, с ними да с Ольгой. И Ольга слушает ее, как никого до того не слушала.

Сейчас княгиня тоже перво-наперво оглянулась к ней, потом вновь посмотрела на древлянских послов, какие медленно и величаво подымались по широкому Боричеву узвозу. Двигались они сплоченной группой, как будто вот так, скопом, чувствовали себя увереннее.

И вновь киевляне говорили, глядя на них: ишь какие!

Древлянские послы были собой немолодые почтенные люди. На всех были пышные меховые накидки, головы обнажены, длинные аккуратно расчесанные волосы ниспадали на пышные оплечья. У большинства они стянутые вокруг головы богатыми золочеными обручами, на шее почти у каждого висела золотая гривна⁵⁶, широкие обручья сверкали чеканкой по металлу. Знатно смотрелись послы, значительно, впору в пояс таким кланяться. Вот тебе и дикие древляне!

На стене Малфрида негромко поясняла Ольге:

– Самых значительных людей к тебе прислали, княгиня. Это старейшины, каких у древлян особым почетом наделяют. Видишь, какие длинные у них волосы – это знак благородных родов. Древляне все больше охотники да звероловы, они обычно длинные волосы не отпускают, в лесах да чащах с такой гривой особо не пошастаешь. Ее могут позволить себе только самые почтенные да еще волхвы, те, кто над людьми стоит, правит, а в промыслах не участвует. Честь тебе оказали древляне, княгиня.

– Честь!.. – повторила Ольга сквозь зубы, будто выплюнула какое-то ругательство. – Что ж так мало прислали? Боятся?

Малфрида не ответила. Она тоже не ожидала, что посольство к Ольге окажется таким немногочисленным. Ей же нужно было много больше лучших людей. Тьму, как повелел Кощей. Но и на этих Малфрида глядела как на мертвецов. Как на жертву. Пусть поведают княгине, чего хотят, а там... Там свершится!

Она негромко сказала, чтобы княгиня вела себя, как меж ними было уговорено.

Асмунд, слышавший их речи, но не стал вмешиваться. Заметил только, что Малфрида тихо отошла... так тихо, как будто и не стояла только что подле Ольги в своем мрачном одеянии

⁵⁶ Гривна – здесь: шейное украшение, указывавшее на высокий статус носящего его.

цвета запекшейся крови. Без единого украшения или вышивки-оберега⁵⁷. Как будто ничья сила не нужна была ей в помощь. Сама себе такое выбрала.

Малфрида прошла по переходам к каменному терему княгини. Стражи ее пропустили беспрепятственно. В самом же тереме было тихо, крытая сукном каменная лестница вела вверх, в широкую просторную гридницу. Здесь упруго изгибались над головой светлые своды, большие окна застеклены прозрачными шариками в частых переплетах, на стенах развешено дорогое оружие, начищенное до блеска, внушительные щиты с богатыми умбонами⁵⁸. Почти все пространство гридницы покрывало алое гладкое сукно. Позади стоявшего на возвышении резного кресла княгини на стене широко раскинулся парчовый византийский покров-ковёр с изображением расходящихся лучей. Когда Ольга сидела в этом кресле, создавалось впечатление, что лучи исходят прямо от нее самой.

Сейчас в светлом каменном зале терема княгини были только волхвы. Но не степенные и важные, как принято, а ползающие на четвереньках по углам, что-то наговаривавшие.

– Ну что, получается у вас? – спросила их чародейка правительницы.

Один из них, худой, скорее молодой, чем старый, но какой-то старообразный, вскинул на нее гневное лицо.

– Если обманула, если потешиться так над нами хочешь... Я сам в ваших древлянских лесах не единожды бывал, заклęcia постигал, но чтобы такую тарабарщину творить... Издеваешься?

Два других волхва тоже оторвались от бересты, на которой были сажей выведены какие-то знаки, и сурово поглядели на боярыню. Это она составила заклинание безграничного доверия, выбрала самых сильных из местных чародеев и заставила навести чары, протянув невидимую нить от стены до стены. И каждый, кто переступит через эти невидимые нити, уже не сможет рассуждать здраво, а будет только доверять послушно.

Малфрида поглядела на служителей-колдунов. Колдуном, гм. Да любой из древлянских кудесников куда лучше бы этих справился.

– Не просила бы я вас, – почти прошипела ведьма, оскалив ровные белые зубы, – да и сама бы сплела чары, коли б дитя под сердцем не носила.

Это они понимали. Даже самая могущественная чародейка обречена на бессилие, пока беременна. Но все равно... чтобы ползать...

И тут Малфрида, видя, что они все еще мешкают, наклонилась к главному из них, этому молодцу старообразному, и сказала негромко, чтобы лишь он услышал:

– Похоже, что сила у тебя только на разгулище на Лысой горе была, Коста волхв. Но в турую шкуру тут рядиться ты уже не можешь.

Его глаза широко распахнулись. Пробормотал: неужто это она с Кощеем там была? Но Малфрида уже отходила. Застыла за креслом княгини, стояла, опустив голову с надвинутым до глаз покрывалом, лишь порой поглядывала со странной улыбкой, наблюдая, как Коста и прочие с новым усердием стали наводить знаки, сличая с рисунками на бересте.

Но вот за дверью раздался гул голосов, шаги, движение. Волхвы, как раз успев закончить, поспешили отойти. Двери тут же распахнулись, стремительно вошла Ольга – быстрая, порывистая, серые глаза почти белыми кажутся от напряжения. Каково это ей – древлян поганых в лучшей своей гриднице принимать!..

Малфрида стояла, потупив очи. Ни на кого не глядела, но все улавливала: и как Ольга торопливо взошла на возвышение и опустилась в кресло, как сопровождавшие ее ближайшие советники и воеводы занимали места на скамьях. А потом Малфрида ощутила приближение самих древлян.

⁵⁷ Вышивки у славян имели символическое значение, охраняли от всякой порчи и беды.

⁵⁸ Умбон – металлическая бляха по центру деревянного щита.

Она подняла глаза, только когда они начали входить в дверную арку. Потом взглянула туда, где стояли, сцепив пальцы и опустив головы, полянские волхвы. Их губы почти не шевелились, но Малфрида знала, что они наговаривают ее заклинание. Она сама стала его нашептывать, хотя понимала, от нее сейчас мало толку. Но все же...

– Инда согни, шшш, кара, белла, согни выю, нррааашшш...

Действительно, нечто невразумительное на первый взгляд, если исходить из местных наговоров, где уже забыты все звуки леса и ветра, звериный говор, где остались только слова. Но что такое слова? Они почти не несут чародейства, они слабее...

Малфрида следила, как послы древляне переступают незаметные колдовские знаки. Волхвов среди них нет, если никто ничего не почувствовал. Двое или трое из них были в сапогах, обмененных на торге, но большинство в обычных древлянских постолах⁵⁹, хотя и богато отделанных, выложенных проволочными узорами, украшенных речным жемчугом. Постолы придерживали завязанные крест-накрест ремешки оплетки поверх меховых онучей.

Только когда все послы выстроились полукругом перед княгиней Киева, Малфрида взглянула на их лица. Некоторые показались смутно знакомыми. Но для себя ведьма отметила главное: они были уже под действием заклęcia. И хотя продолжали держаться достойно, но словно утратили прежнюю невозмутимость, оглядывались по сторонам, цокали восхищенно языками, улыбались безмяечно. Ну чисто дети престарелые... доверчивые. Значит, получилось заклинание у Косты и его соратников.

Ольга приветствовала их словами:

– Вижу, гости добрые ко мне пожаловали.

Ее уверенный спокойный голос никак не вязался с ее прежней порывистостью. Малфрида даже подивилась ее силе духа, ощутила уважение. Ведь общалась с княгиней все предшествующие дни, знала, как ту гнет страх и ненависть. А вот поди же... Сама приветливость и радушие сейчас.

Древляне кланялись Ольге неглубоко, с достоинством, как и положено мужам в летах – лишь чуть склоняя длинноволосые головы. Но улыбались.

– Да, явились мы, княгиня.

– Так говорите, что привело вас ко мне?

– Ты сама, поди, знаешь, – выступил вперед их выборный, степенный седой старик, высокий и значительный по виду. Вот только его светлая, приветливая улыбка как-то не вязалась с его почтенным обликом – будто умиляет и радует старого древлянина что-то. – Ведь мы уже отправили к тебе посыльного с вестью. Ты знаешь, что случилось.

Ольга молча смотрела на них. Послы стали переглядываться, потом заговорили, вроде как и по отдельности, но почти перебивая друг друга.

– Мужа твоего мы убили, Игоря Киевского...

– Он как волк расхищал и грабил наши земли...

– Наши люди собрали вече и порешили: если волк повадился к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьем его.

– Вот и погубили мы Игоря, чтобы нас не погубил. Это мудро и справедливо.

– А наши князья хорошие, потому что берегут Древлянскую землю...

– Князь Мал среди наших правителей самый значительный и родовитый, пойдй за него.

– Куда же тебе теперь самой без мужа? Муж любой бабе нужен. А Мал у нас – молодец в самом соку.

– Тебя Мал выбрал в жены.

– А сына твоего Святослава мы тоже к себе возьмем. И сделаем с ним все, что захотим, если ты не будешь послушна мужу.

⁵⁹ Постолы – обувь древних славян, кроенная по ноге, крепящаяся завязками.

Тут Ольга резко встала, и древляне вмиг притихли.

Малфриде с ее места не было видно, что отразилось на лице княгини, но понимала, что Ольгу более чем возмутила подобная открытая доверчивость древлян.

И они это уловили. Перестали улыбаться, смотрели растерянно. Некоторые словно только сейчас заметили, что вместе с княгиней повставали и ее воеводы. Но не трогались с места, не сводя глаз с Ольги.

Несколько мгновений в гриднице было тихо. Малфрида неожиданно отметила, что ее развлекает создавшаяся ситуация. Надо же, древлянка Малфутка бы сейчас вся дрожала от страха, а вот душа ведьмы Малфриды только забавляется происходящим.

Наконец княгиня взяла себя в руки. Сказала спокойно:

– Это все, что вам велено передать мне?

Старшина послов негромко, но твердо произнес:

– Остальное тебе передавали с посыльным, княгиня. Ты знаешь, о чем речь. И знаешь, что будет, если с нами что-то случится. Знаешь, какой силой владеют теперь древляне и... кому мы приносим жертвы!

«Чернобогу и Морене приносят, – почти весело думала Малфрида. – Мне бы хотелось на такое поглядеть».

Но она заставила себя вспомнить про Игоря, который любил ее... и которого любила она... кажется, что любила. Она попыталась возродить в себе ненависть к этим людям, но ничего не получалось. Ей было просто любопытно.

Ольга медленно опустилась в кресло. Молчала. Постепенно стали успокаиваться и окружающие. Малфрида заметила, как на Ольгу глядит Свенельд. Глаза горят и кажется, что один жест княгини – и он невесть что может сотворить.

«И как же мы с ней будем делить его?» – подумала ведьма, и вдруг поняла, что это ей уже не так и интересно. Она вообще ощущала в последнее время какое-то охлаждение к ранее обожаемому мужу.

«Думаешь, ты больно нужен ей, Свенельд разлюбезный? Нет, ей нужна только я! И она слушает меня во всем!»

Малфрида смотрела в затылок княгини, разглядела даже, какой узор вышит на ее шапочке над собольей опушкой: крылатая Гамаюн, полудева-полуптица, знающая обо всем на свете. Своеобразный оберег, дающий мудрость. Ну же, княгиня пресветлая! Или забыла, что с тобой обговаривали?

Ольга вдруг сгорбилась на миг – то ли от взгляда ведьмы, то ли под грузом обязательств.

– Я все понимаю, – изрекла негромко. – И вот что я вам скажу, мужи именитые: любезна мне ваша речь! Мужа мне уже не воскресить, но хочу воздать вам – послам и сватам от нового суженого! – воздать честь перед всеми людьми, перед всем Киевом! Но это завтра. Ныне же идите к своей ладье, ложитесь в ней спокойно почивать, утром же я пришлю за вами.

По мере того как Ольга говорила, ее слабый голос крепчал, становился громче. Она выпрямилась, ее тонкие руки крепко сжали резные завитки подлокотников кресла.

– А когда явится к вам посыльный от меня, когда поклонится и пригласит в палаты мои, отвечайте ему: «Не поедem на конях, ни пешими не пойдem, но понесите нас на ладье прямо на Гору Киевскую!» Так я честь вам выкажу, мужи именитые! Пусть все знают, что уважаю ваше племя и князя его!

Древляне сперва недоуменно переглянулись, но вот один из них улыбнулся, потом второй. Приосанились, поглядывали горделиво на советников Ольги. Малфрида видела, как понуро опустил голову Свенельд, как молча и с достоинством выдержал их самодовольные взгляды Асмунд. Варяги тоже держались невозмутимо, только варяг Грим тихо выругался и отвернулся с искаженным яростью лицом. И это особо порадовало древлян. Выходили гурьбой, сияющие и величавые.

Позже Малфрида разыскала княгиню в темной каморе за гридницей. Та жалась в углу, будто дворовая девка, плечи ее подрагивали. Но едва зашелестел подол длинного одеяния Малфриды, резко обернулась. Быстро смахнула слезы.

– Все ли, как решено, я выполнила?

Спросила вроде как послушно, но голос... как проклятие насылала.

Малфрида медленно кивнула.

– Все так, княгиня пресветлая. Одно плохо – мало их. Мне больше понадобится.

– Мало? Пока мало! – выкрикнула Ольга, и ее серые светлые глаза потемнели от ненависти. Яркие губы решительно сжались. – Ибо будет их еще много! Столько, сколько надо, чтобы смыть кровавый след из царства злой Морены для мужа моего!

«И чтобы откупиться от Кощея за моего мужа!» – довольно подумала Малфрида. И вспомнила утробный глухой голос темного повелителя: «Тьму их хочу. Но чтобы не каленым булатом...»

«Будет тебе жертва, чудище! – усмехнулась ведьма. – И это только начало».

Глава 5

Длинную ладью древлян вытянули на берег и установили у самого Боричева узвоза. Приподнятая на деревянных катках, она слегка кренилась, однако древляне удобно расположились на ней, тем более, что привезенные ими дары для невесты Мала уже были выложены и отвезены в верхние палаты Ольги.

Сама княгиня и не глянула на те дары, а вот Малфрида, Свенельд и Асмунд осмотрели все с придиричивым интересом. Там были украшения, богатые меха, бочонки с лесным медом, крицы сырого железа.

Малфрида самолично отобрала украшения, а все остальное велела продать как можно быстрее нарочитым киевским людям.

– И за злато да серебро им отдавайте, на мену иным товаром не соглашайтесь! – строго повелела чародейка Асмунду, слывшему хорошим торговцем.

Сейчас седоусый воевода только покачал головой. Нравится же этой ведьме приказывать! Некогда самому Игорю наказы давала, и тот слушался, теперь же вдову его Ольгу полностью подчинила. А еще старому варягу было обидно, что Малфрида словно и не вспоминает его, как будто и не общались они приветливо еще при Игоре. Ну да натура чародейская, поди пойми ее.

Еще Асмунд заметил, что Малфрида все волхва Косту подле себя держит, все шепчется с ним. Ну, понятное дело: ведьма и волхв понимают друг друга. Да только Коста как будто еле переносит ее: с ней он все больше угрюм да неприветлив, и хоть и кивает согласно на ее речи, но порой вдруг так и кинется прочь. Именно кинется, как будто ему дурно с ней, как будто воздуха ему подле чародейки не хватает. Но потом опять возвращается, слушает внимательно.

По наказу чародейки княгини древлянским послам на ладью отправили угощение: пироги пышные с начинкой, каши масляные в горшочках, запеченную с яблоками телятину молодую. Древляне такими яствами у себя в лесах редко баловались, вот и уплетали за обе щеки угощение. С восторгом пили настоящее ромейское вино – темное, сладкое и густое. Они поднимали кубки за невесту князя Мала, не подозревая, что в вино им подмешаны сонные травы. Вот и позасыпали все еще до того, как ночь загустела.

Ладью со сладко похрапывавшими под натянутым тентом древлянами охранял отряд отборных кметей княгини. Они никого не подпускали к приезжим, а там и поливший к ночи дождь разогнал людей. Темно стало, тихо, только со стороны Горы доносился некий шум. Ибо там, где Боричев узвоз поднимался к детинцу, перед самыми воротами в древнее городище, ныне, несмотря и на дождь, былолюдно. Горели и дымили под дождем смоляные факелы, стражники стояли стеной, ограждая все подходы, никого не допуская туда, где на площадке перед воротами кипела работа. Множество полуголых, измазанных глиной мужиков долбили землю, копали лопатами, рыли глубокую яму, выбрасывали комья земли наверх, где иные работники укладывали ее в тачки и увозили в ворота детинца, насыпали горой, чтобы вернуться порожними и вновь нагружать...

Яма росла прямо на глазах: сперва просто работали лопатами, потом землю из глубины принялись поднимать на специальных воротах на веревках. Торопились, чтобы получилась она глубокой и широкой. Свенельд менял уставших копателей на новых, сам вымазался сырой глиной и теперь этого щеголя не отличить было от обычных смердов-работников. Но он не унижался, заражая всех своим ражем.

Княгиня несколько раз выходила посмотреть. Стояла, кутаясь в длинный плащ, из-под наброшенного башлыка горели ее глаза, губы были жестко сжаты. Когда возвращалась в детинец, видела, как, будто курган, вырастает посреди двора детинца высокая насыпь свежевзрыхленной земли. Один раз спросила, где ее чародейка. Асмунд ответил, что та почивать пошла.

– Почивать? – удивленно переспросила Ольга. Скривила полные губы в кривоватой усмешке. – Вольготно же ей спать, ведьме темной. А я вот оттого, что замыслено, глаз не могу сомкнуть. Ну да решено. И месть моя древлянам будет страшной. Чтобы на века люди запомнили! Чтобы все знали, каково становится на моем пути!

Асмунда пробила дрожь от того, каким голосом она это сказала. Да, довелось ему дожить до такого, не отвел длань Христос пресветлый. Не миновала старого воина чаша сия...

Он взглянул в лица несущих дозор варягов. Эти даже довольными выглядят. И ночной моросящий дождь их не разогнал, вон, стоят недалеко от ямы, попивают из рогов пиво, некоторые тоже помогают копать. И всем им кажется ладным, что повелела Ольга. А той приказала древлянка Малфрида. И было у Асмунда ощущение, что боярыня Свенельда, хоть и сама древлянка, люто ненавидит свое племя. Видать, было за что.

Асмунд не ведал, куда она подалась, когда Игоря оставила, а раз Свенельд нашел ее у древлян... Да еще как нашел! Шила-то в мешке не утаишь, слыхивал Асмунд, что кмети Свенельда рассказывали, будто бы с костра снял ее посадник.

На рассвете движение перед детинцем прекратилось, копатели расходились устало со своими ломami и лопатами, убирали прочие орудия.

Асмунд подошел поглядеть. Яма получилась огромной и глубокой, из нее веяло холодом и сырой землей, как из могилы. Асмунд невольно содрогнулся и едва удержался, чтобы не перекреститься. Нет, не стоит показывать, что он почитает Христа, многим это не понравится. И он только велел распорядиться, чтобы доставали из складов сукна, все, сколько имеется, да самого лучшего, крашенного в алое, как в кровь. Пусть закроют яму перед детинцем, разровняют да прижмут булыжниками, чтобы ровно лежало, а булыжниками теми пусть обозначат края ямы, чтобы свои случаем не оступились.

К рассвету дождь прекратился. Утро вставало серое и туманное, дул ветер, неся по небу блеклые облака, затягивавшие небо от края до края, на водах Днепра шли темные волны. Древляне еще сладко спали, укрывшись своими роскошными меховыми плащами, иные храпели громко. Когда их стали будить, не сразу и очнулись. Сперва один из них вскинул голову с разметавшимися во сне длинными седыми волосами, потом другой приподнялся, позевывая.

– Новый день настал, гости древлянские. Просыпайтесь, княгиня вас для чести великой зовет.

Древлянам было лестно, что будить их явился сам посадник Свенельд. Стоит рядом, нарядно одетый, только усталый какой-то да хмурый. Хотя и чему радоваться, если ему теперь выслуживаться надо перед теми, с кого раньше дань брал для Киева.

Древляне стали распихивать сонных товарищей, указывали на ожидавшего в стороне Свенельда, на одетых в богатую броню варягов.

– Вон, уже зовут. Пора. Княгиня Ольга хочет нам честь оказать.

Самый нарочитый из древлян важно огладил длинную бороду, подбоченился. И стал говорить, как Ольга им и наказывала: мол, не пойдем пешими и конными не поедем, а хотим, чтобы вы вознесли нас на Гору на своих плечах в ладье нашей.

Свенельд выслушал их и поклонился низко, коснувшись рукой земли.

– Что ж, нам неволя; Игорь наш убит, а княгиня хочет замуж за вашего князя.

Он подал знак, и тут же сильные кмети подошли к ладье гурьбой, стали поднимать ее да раскачивать.

Древлянские старосты сперва даже испугались, хватались за борта да друг за дружку, чтобы не упасть. Но варяги и русичи были умелыми, им не единожды приходилось таскать волоком и на себе суда, когда пороги днепровские проходили. Вот и осилили, подняли на крепкие плечи ладью, столпились по бокам ее, поддерживая за осмоленные, посаженные внахлест доски насады.

Теперь древляне уже смеялись. Они все были мужи именитые и уважаемые, а вот катают их, будто девок на качелях на Масленицу. Несут неспешно по извивающемуся узвозу вверх, осторожно несут. На повороте вроде как замешкались, кто-то поскользнулся на влажной после дождя земле, качнули корабль с древлянами. Один из старых послов даже сказал: мол, все, хватит, оказали честь, и будет. Они чай не обры лихие, которые на дулебах ездили⁶⁰. Теперь и пройтись могут. Но их продолжали нести. С Горы сбежали на подмогу несколько человек, сменили усталых, понесли с новыми силами быстрее.

Древляне расчесывали спутанные волосы, оправляли свои меховые накидки, надевали на грудь широкие гривны. У некоторых они были большие и круглые, не меньше миски какой, да браслеты у древлян были богатые, головные обручи узором чеканным украшены. Покрасоваться хотелось старейшинам.

А ведь когда только отправлял их Мал, побаивались ехать, даже поговаривали, что недаром Мал посылает их, старых, какие уже и оружия носить не могут. И случись что с ними, древлянская земля мало потеряет, сильные да молодые воины дома остались. Но все же надеялись, что Ольга пожалеет их из уважения к старости и сединам. Да и волхвы успокоили, сказав, что Ольга побоится поступить дурно с древлянами, у которых сейчас такая сила жуткая и необоримая. Похоже, правы оказались волхвы, вон какой прием им княгиня оказала. Еще вчера они бы в такое не поверили, а вот сейчас, когда едут в ладье на Гору, на спинах сильных полянских мужей и варягов заносчивых, то впору возгордиться. Надобно будет все запомнить да потом дома обо всем поведать, похвалиться.

Вот и ехали, подбоченившись да посмеиваясь. Видели вверху мощные бревенчатые стены Киева, видели стражей за частоколами, но самих киевлян в отличие от вчерашнего дня вышло навстречу довольно мало, да и тех потом куда-то отогнали.

Узвоз делал очередной поворот, стал круче, нос ладьи взмыл выше, древляне хватались друг за дружку, за борта.

– Гляди, гляди, – указывали вперед.

Там, где между башнями у детинца были распахнуты градские ворота, раскисшую после дождя землю укрывало богатое алое сукно. Вся улица впереди была устлана алым ковром, придавленным по краям тяжелыми камнями. Восхищенные послы даже как будто саму Ольгу на заборе не сразу заметили, но, заметив, заулыбались.

⁶⁰ В Повести временных лет сохранился рассказ, как захватившие древнее племя дулебов обры запрягали их в плуги и возы и ездили на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.